

№ 16 30 Сентября 1918 г.

Цена №—2 р., на ст. ж. д. и вь Ростовъ 2 р. 20 к.

ЛЮДИКАЯ ВОЛНА

В. А. Харламовъ,
представитель консульского округа.

Рис. Георгий Кузнец

www.donata.com

ДОНСКАЯ ВОЛНА

подъ редакцией ВИКТОРА СЪВСКАГО.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 мѣсяцъ	8 руб.	—	коп.
2 мѣсяца	16 руб.	—	коп.
Остальной мѣ	2 руб.	—	коп.

Объявленія: впереди текста—3 р., позвди текста—2 р. за строку копиралки.

Рукописи не возвращаются и, по усмотрѣнiю редакцiи, подлежатъ сокращенiямъ и измѣненiямъ.

№ 16

30 Сентября 1918 года.

№ 16

Рис. А. П. Воронцова.

Степной бабюшка.)

I.

Я люблю въ свои дальшия побѣды заѣхать куда-нибудь въ глушь, остановиться и пожить денекъ, другой. Послѣ вагона, тарангаса, парохода—вдругъ очутишься гдѣ-нибудь среди огромнаго стараго бора, у омутистой рѣчки, гдѣ нескончаемо шумитъ лѣсъ свою непонятную лѣсную думу, да въ лѣсныхъ тѣняхъ тучнѣютъ толстыя зеленыя травы и круглые большіе цвѣты... Или, наоборотъ,—попадешь въ безлѣсье, въ степь, и цѣлый день смотришь, какъ мѣлеть подъ яренымъ солнцемъ красавица степь и жемчужныя облака плаваютъ по небу—прозрачныя и задумчивыя...

Какъ-то разъ, въ одну изъ побѣдокъ, пришлось мнѣ остановиться въ маленькомъ степномъ хуторкѣ у священника. Наступила ночь, и кажется, собралась гроза. Я сначала думалъ отдохнуть немного и ѣхать дальше—въ ночь, но священникъ отговорилъ:

— Куда вы? Дождь,—что не видно,—пойдетъ. И, наконецъ, съ грозой...

Намочить подъ дождемъ—вѣщъ не особенно приятно. Я рѣшилъ заночевать. Домъ бабюшки былъ маленький, старозавѣтный. Комнати низенькая, съ небольшими окошечками, точно улейки... Внутри было чисто, мебель разставлена аккуратно. И вездѣ, на окнахъ, на столахъ, на скамейкахъ—цвѣты, цвѣты, цвѣты.

— Любите, видно, цвѣты?—спросилъ я бабюшку.

— Нѣтъ, возни съ ними много.. Вотъ, отецъ Василій любитъ!..

— Грѣшникъ, люблю цвѣты...—сметелся бабюшка.— У насъ зима длинная... Если ждать весны, погрѣешь съ тоски.

Смотрю я на этого любителя цвѣтовъ: коренастый, плотный, съ большой, начинающей съѣдѣть бородой, ояъ какъ то удивительно пахнетъ деревней, глушью, травой... Я люблю такіе типы: откуда то издадека приходитъ онъ и поселился въ хуторкѣ, въ низенькомъ старозавѣтномъ домикѣ... Кругомъ него степь, облесоватые курганы, церковка, вся въ степныхъ запахахъ, заросшая мохомъ и травами, кругомъ него земля—чистая, благовоная, крохотка, богатая глубокимъ лучшимъ черноземомъ, съ своими вѣковыми пѣнами, преданіями, вѣрованіями... Онъ приходитъ, раскрывъ свое евангелище и началъ учить. Онъ учитъ, а земля тихо жаветь своею жизнью, покрывая пшвами, лугами, курганами... Какъ клубы утренняго тумана, поднимаясь надъ нею старая преданія тѣсни, вѣрованія и окутываютъ тѣхъ, которые живутъ въ поляхъ, лугахъ, на курганахъ... Онъ учитъ, а тихое учение сливается съ тихимъ днемъ, тихими полями, тихимъ селомъ... Самъ не замѣчая того, онъ сливается съ землею—крохотку, благовоною, тихую... Тихое учение обрамляется травою, цвѣтами, курганами; лучъ солнышка, ласковый и крохоткій, горитъ на немъ, какъ алмазъ, и въ тиши степей, на зонѣ земли, совер-

*) Иисаеелъ Р. Кумовъ любезно предоставилъ редакцiи «Донской Волнѣ» этотъ рисунокъ.

пашется чудо: крошечное учение превращается в землю и землю превращается в крошечное учение... И стоит он в непонятном удивлении, видя, что его маленькое евангельское учение разрослось, и уже степи, луга, курганы полны им. Священным вдохновением облитый, он вдруг дерзновенно начинает листать эти новья великия страницы—степи, луга, курганы, и видит, что они—святое крошечное учение... Он падает пораженный, и в первый раз, тихо, без слов, поет псѣно великому Богу, он, глава прихода, а степи, луга, курганы подбивают ему...

И стоит в зеленой великой степи убогая церковь, ка, съ сербскими колоколами, и позванивает, и уже то не люди звонят, а сама земля, черноземная, благовоющая, чистая, одѣтая цвѣтами и травами, и батюшка палъ ницъ предъ престоломъ, какъ первосвященникъ людей и земли, и подъ звоны, подъ шелестъ степи, поетъ крошечную великую псѣно святому небу...

О. Василий,—старый деревенскій священникъ. Въ гордѣ вы сразу узнаете его, по спокойнымъ, тихимъ, какъ лѣсное озеро, глазамъ, по ровнымъ, никогда не волнующимся линиямъ лица, по негорюливой, степенной походкѣ. Если вы встрѣтите его гдѣ нибудь въ большомъ шумномъ обществѣ, на васъ сразу повеѣтъ деревенскій, степенной, бѣдной деревянной церковкой... Онъ—дитя своей степной глуши, крошечкй пѣвецъ заброшенной деревни и далекихъ полей... И говоритъ онъ медленно, ровно, точно вѣтерокъ по верхинамъ садовыхъ вербъ...

— Станови, стара, самоварчикъ!—говорить онъ матушка. Матушка ставитъ самоваръ, сама возится на кухнѣ, около углей, и приходитъ къ намъ съ угольниками, полосками на лицѣ.

— Подчернилась! — смѣется о. Василий — Не утерпѣла!

— Гроза находить,—сообщаетъ матушка,—большая туча отъ церкви идетъ... Будетъ дождикъ!

До чая мы сидимъ въ батюшкиной комнатѣ. Убранство незайтливое; надъ столомъ портретъ архіерея, по святиншало о. Василія во священники, по сторонамъ картины, преміи къ „Нивѣ"... На столѣ лежатъ „Вархаль-ниня Вѣдомости“ и маленькая областная газетка...

— Давно вы здѣсь служите, батюшка?

— Тридцать лѣтъ... Здѣсь и состарился... Да!..

На подоконникѣ вижу скрипку.

— Вы играете?

— Неможно. Иногда стихъ такой находить. Тихо у насъ!.. Ужъ очень тихо... Вотъ когда поланеть, я играю... Ночь нѣтъ у меня, такъ... импровизирую... Да...

— Вы не сыграете сейчасъ что-нибудь?

— Сейчасъ? Э, нѣтъ... Ужъ, увольте пожалуйста... По заказу не могу. Не умью...

Онъ улыбається славной, крошечкой, изящнейшей улыбкой...

— Чай пиль,—приглашаетъ матушка.

Пьемъ чай съ душистымъ степеннымъ медомъ, прозрачнымъ и теплымъ.

— Пейте, пейте!—угощаетъ матушка.—Это рѣдкостный медокъ: съ чеборку да липа набранный... Духовитый!

Туча заслоняетъ собою небо и въ маленькихъ комнатахъ сразу темнѣетъ. Гдѣ-то близко гремитъ громъ, такъ что дрожитъ старая желѣзная крыша. Батюшка приноситъ свѣчку.

— Большая гроза находить!—сообщаетъ онъ.—Хотите на балконъ? Посмотрѣть грозу?

— Хочу...

Мы проходимъ черезъ коридорчикъ на балконъ. Балконъ узкій, низкій, почти у самой земли. Кругомъ садъ—щесть и сильно пахнетъ сыростью и травой...

— Моя оливка!—смѣется батюшка.—Тополи, кленки, Есть дубки... По ту сторону дома вишни, яблони, терны... Мы садимся на скамейку. Вѣтеръ бушуетъ гдѣ-то за домомъ, на площади, и сюда еще не залетаетъ, сдерживаемый батюшкинымъ домикомъ... Но вершины старыхъ высокихъ кленовъ уже гудятъ, тревожно и громко...

— Эге, гроза будетъ большая. Пумятъ клены!.. Мать, притвори окошки, заложь вьюшки!—кричитъ о. Василий въ комнаты.

Молниі арка, частая... Словно раскрывается большія таинственные вѣки и выглядываютъ въ мръ. Громъ гре-

митъ гудко, сильно, такъ что дрожатъ тонкія оконца и домигъ...

— Сухая гроза!—говорятъ батюшка...

Анг, не удадалъ... Только что сказать, а на крышу сразу ушло лѣсковато капель дождя, тяжелыхъ, большихъ, какъ налившія вишни. За ними еще, еще... Вотъ ужъ барабанятъ во всю по ветхой желѣзной крышѣ... Деревья словно pokrаcкиса флеромъ, осыпанная дождевою пелюю. Отъ вѣтра раскачиваются во все стороны и шуршатъ листовую. А сверху дождь льетъ, точно ведрами, и шумитъ, какъ большой потокъ...

— Благодатный дождь! Слава Богу!..

Батюшка крестится. Дождь коситъ отъ вѣтра и начинаетъ мочить балконъ.

— Пойдемте. Намочить!—говорю я.

— Нѣтъ. Погодите... Вы смотрите, какой дождь! Это рѣдкость въ нашихъ краяхъ...

Онъ не сдерживается и сбѣгаетъ съ балкона въ садъ. Дождь мочить его, крупный тяжелый, раскидистый, а онъ протянулъ руки, словно ловить дождевыя капли.

— Хорошо!—кричитъ онъ.

— Намоניתе!—смѣюсь я съ балкона.

— Ничего... больше вырасту!

Онъ ломаетъ вѣтку клена, лохматую, росистую и приноситъ мнѣ:

— Привѣтъ вамъ отъ моей оливки!

Онъ словно помолодѣлъ подъ дождемъ. Глаза яркіе, молодые, самъ бодрый, свѣжій... Гроза освѣжила его, какъ освѣжила зеленые клены и дубы...

— Ну, будетъ. Пойдемте спать!

Мы ложимся въ его кабинетикѣ. Окна открыты. На площади шумитъ дождикъ. Рѣдко, погасая, сверкаетъ молнія. Мы лежимъ на полу, на полетахъ, закрытыхъ проспичьями... Пахнетъ полынью и ромашками.

— Откуда это пахнетъ полынью?—спрашиваю я.

— У меня подушка набита полынью,—отвѣчаетъ о. Василий и смѣется...

Счастливы!—говорю я.

— Кто?—спрашиваетъ батюшка.

— Мой хозяинъ...

— А!.. Можеть быть...

Въ углу, около окна, вдругъ, что-то жалобно прозвучало.

— Что это?

— А это, должно быть, струна лопнула на моей скрипкѣ. Отъ сырости.

Онъ встаетъ, бережно осматриваетъ скрипку и кладетъ на столъ. Потомъ закрываетъ окно.

— Сыро,—точно изливаясь, говоритъ онъ...

Тихо. Пахнетъ полынью, за окномъ шуршитъ маленький дождикъ...

— Вы спите?—черезъ нѣкоторое время спрашиваетъ о. Василий.

— Нѣтъ.

— Знаете что... Вы давеча просили меня поиграть на скрипкѣ... Хотите, я поиграю вамъ...

— Сейчасъ?—удивляюсь я.

— Да, сейчасъ...

— Пожалуйста. Только мы не обезлокомимъ матушку?

— Нѣтъ. Мы потихоньку... Она знаетъ, что я иногда ночью наиграваю...

О. Василий встаетъ, зажигаетъ свѣчу и возится на столѣ.

— Куда я засунулъ ихъ...

— Кого, батюшка?

— Струны... А, вотъ онѣ!

Онъ нагивается на скрипку новую струну, взамиль лопнувшей, и начинаетъ настраивать...

— Отсырѣла... Изъ бука она у меня, а буквъ на сырость податливъ...

Настронль. Взялъ смичекъ, распахнулъ окно и пошелъ по струнамъ—тихо, робко, какъ шелестъ дождя. Тонкая нотка прозвучала въ комнатахъ и оборвалась. Потомъ еще нотка чувств-чуть посмѣйбе, еще, еще—все тверже, властнѣе. И вдругъ, незамѣтно, маленький кабинетикъ наполнился звуками. Они звенѣли у окна, около стола, вверху, внизу—неясные, прозрачные, тихо вдохновенные... Скрипка пѣла, какъ живая, пѣла то про степи, про степной вѣтеръ, про густыя зеленыя травы, то скакала, порывистая, на своихъ коротенькихъ струнахъ, и выбивала чистую веселую человѣческую радость. А подъ конецъ она

поднялась въ небольшую высоту, и вдругъ тамъ завскачала и зыбля. Какъ заплака! Слаще, мучительнѣе я никогда ничего не слышала. Любовь, одиночество, порывъ къ счастью, какія то невѣдомыя молодыя нотки, которыя слышались только въ юности,—все слилось вмѣстѣ, все пльнуло, какъ бурный искрометный пльный лѣсной ролникъ... Слаще, мучительнѣе я никогда ничего не слышала...
Онъ кончилъ, этотъ степной балюшка, свою пѣсню. Я вскопичилъ и началъ его обнимать.

— Ну, ну!... Тише... Тише... Давайте спать!...
Куда тутъ спать! Да и ему, моему милому музыканту, конечно, тоже было не до сна. Мы опять улеглись на полсть и проговорили до утра...

Солнышко только что встало надъ росистой землей, когда я, постъ чая, убралъ отъ балюшки.

II.

Совсѣмъ недавно пробуждалъ я опять тою дорогомъ, черезъ маленькое степное село... День былъ жаркій, пльный, и я предвкушалъ, какъ я прѣйду къ о. Василию въ его низенькій прохладный домикъ, и тамъ отдохну, и напиюся чаю съ душистыми провареннымъ медомъ... Дорога была тяжела. Когда то зеленая, ковылистая степь теперь покрылась толстымъ слоемъ желтого песка. Колеса вращались глубоко, лошади тащались съ трудомъ...

И село открылось вдали уже не то, что раньше. Куда то исчезли тѣмныя зеленыя ольшаны, окружающія хуторъ со всѣхъ сторонъ. И домики словно порубили. Только церковь стояла попрежнему, низенькая, тихая, обятая степными запахами...

Уже вечерѣло, когда мы подъѣхали къ домику о. Василия. Стучу. Выходитъ самъ балюшка.

— Здравствуйте! Узнали?
— Какъ же, какъ же! Да вы забываете! Разскажете, что дѣлается въ нашей бѣдной России.

Я ахнулъ. Вечеромъ, постъ чая, мы сидѣли съ нимъ на балкончикѣ, выходящемъ въ садъ, и просматривали свѣжій привезенный мною газеты.

Прямо передъ нами шестель въ подростѣ за эти годы садикъ, посеребранный луной, за нимъ поднималась низенькая церковь и гдѣ то вдалекѣ блестяло озеро... А еще дальше, за озерцомъ, все время, пока мы сидѣли терялась пѣсня—неясная, перевягая сумерками и тишиной... Кто то пльть тамъ—за стенами, и пльня неслась сквозъ длинный рядъ полей, по узкой замолоченной дорогѣ, надъ голубыми васильками и серебранными ромашками, и звукъ около далекая, родная, какъ синія туманная степи...

При свѣтѣ луны я замѣчаю, что мой старыи хозяинъ—человѣкъ «не отъ міра сего». Странное вѣдательнѣе производитъ онъ—постъ шумного города, постъ нашихъ газетъ, облитыхъ кровью: среди степей, въ своемъ домикѣ, зароспемъ вишнями, онъ былъ обитателемъ другой жизни, какой далекій отъ нашей, бурной и страстной. Въичную пѣчать наложилъ на него—таинственная лудейскія горы, тихое Геннисаретское озеро, Христосъ, когда то блестящій ему въ юности и оставшійся въ немъ на всю жизнь. И онъ, въ своемъ домикѣ—среди необятныхъ степей, казался маленькимъ образомъ, выхваченнымъ изъ евангелій,—кропильнымъ, наивнымъ и святымъ...

Онъ сидѣлъ, постарѣвшій, опустивъ голову, и, въ-роютно, думалъ о томъ, что въ эту пору совершалось далеко отъ маленькаго хутора...

— Кровь, кровь!—шепталъ онъ.—Что же это такое?

И въ этомъ наивномъ вопросѣ слышалась тоска-мертвельная, глубокая, какъ море... И хотѣлось—во имя милосердья—заслонить отъ него пльцу нежданно развернувшуюся ужасную дѣйствительность. Хотѣлось, какъ въ сказкѣ, разлить предъ нимъ тихое ясное, какъ лѣтній день, Геннисаретское озеро, разбросать Ливанскія горъ—блосенькая и прекрасная, и высоко вверху поставить Христа, Бога любви и всепрощенія...

Свѣчка догорѣла и погасла. На колокольнѣ прозвонили двѣнадцать.

— Отецъ Василий, пора спать... А то самъ не спить и гостю спать не даешь. Онъ съ дороги, усталъ...—выглянула въ окно заботливая малушка моего хозяина.

— Сейчасъ, сейчасъ... Можетъ быть, правда, вы устали?

— Итъ, итъ... поспать!...

— И мы сидѣли. Онъ молчалъ, погруженный въ свои думы, деревья дремали, гдѣ то трещали кузнечикъ. Ночь стояла тихая, какъ нѣжное тонкое покрывало... А пльня за стенами все не замирала и доносила—полночная, дале-

— Госкуо я,—признается старикъ.—Какъ много гибель людей!... Забывъ? Съ высшей точки зрѣнія, а не пльнимъ... Счастье... но развѣ оно не могло случиться само въ пльну жизни?

И онъ пльветъ—этотъ старыи хуторской спяивннѣ. И чудится: вылетѣть съ нимъ пльнуть Геннисаретское озеро, Ливанскія горы, крестыи Христосъ,—пльнуть пльъ нашею жизнью, пльтъ ей страданиями, мольбами безъ крестовъ...
— Успокойтесь!—прошу я его.

— Боже мой, Боже мой! Гдѣ же любовь, гдѣ та грасса, которую мы влѣли всегда на нѣсъ—гдѣ афздохъ, и на земль—въ природѣ... Гдѣ счастье? Забывъ эти мутьи? У меня, Твоего служителя, кровью истекаетъ сердце, а у Тебя, пльвра, уже все оно пльшло кровью!...

— Успокойтесь!—прошу я его.

Забывъ тогда эти противя страннии прошедшаго, странниа жизни Христе, забывъ эти чудеса, эта ясная рѣчь о любви, это золотистое, какъ синіе, Воскресеніе!... Если люди, въ концѣ концовъ, страдаютъ и умираютъ по-прежнему, забывъ тогда на землю приходить Богъ, забывъ ласкаться людямъ, забывъ умереть на крестѣ!

Молчаите и тоскливо, какъ мотыла, восклицаніе:

— Забывъ... Забывъ. Онъ не остался на земль навсегда!

— Успокойтесь!—прошу я его.

Кто это тяжело!.. Если бы вы почувствовали, какъ это тяжело!...

Всѣмъ часъ ночи.

— Знаете, я хочу вамъ предложить... Пойдемте, отоду-жимъ пльнхиду. Пльнхиду... по тьмѣ, которые страдали и умерли.

— Пойдемте, я встаю со ступенекъ.

Мы проходимъ черезъ безмолвный садъ къ церкви.

Церковь стоитъ молчаливая, будто молится одинокою сосредоточенною поичною молитвою. Вогонца отперъ церковь, досталъ ризы и кадилло, раздуть уголья, и мы вышли на маленькій—съ свѣрами покачнувшимися крестами—постъ, около церкви!...

— Начнемъ!—предложилъ о. Василий, и тихо, съ дрожью въ голосѣ, возгласилъ:

— Благословенъ Богъ нашъ!...

И началъ эта трогательная полуночная пльнхита. Все спало вокругъ короткимъ, лѣтнимъ снегомъ. Шосость стоялъ тихій, серебранный отъ лунныхъ лучей. По краямъ торчали заленныя поджасохнуія деревья и желтая трава; въ нихъ трепали кузнечики, и это особенно подчеркивало молчаніе ночи!...

— Благословенъ еси Господи, научи ми оправданиямъ Твоимъ!—пльть о. Василий.

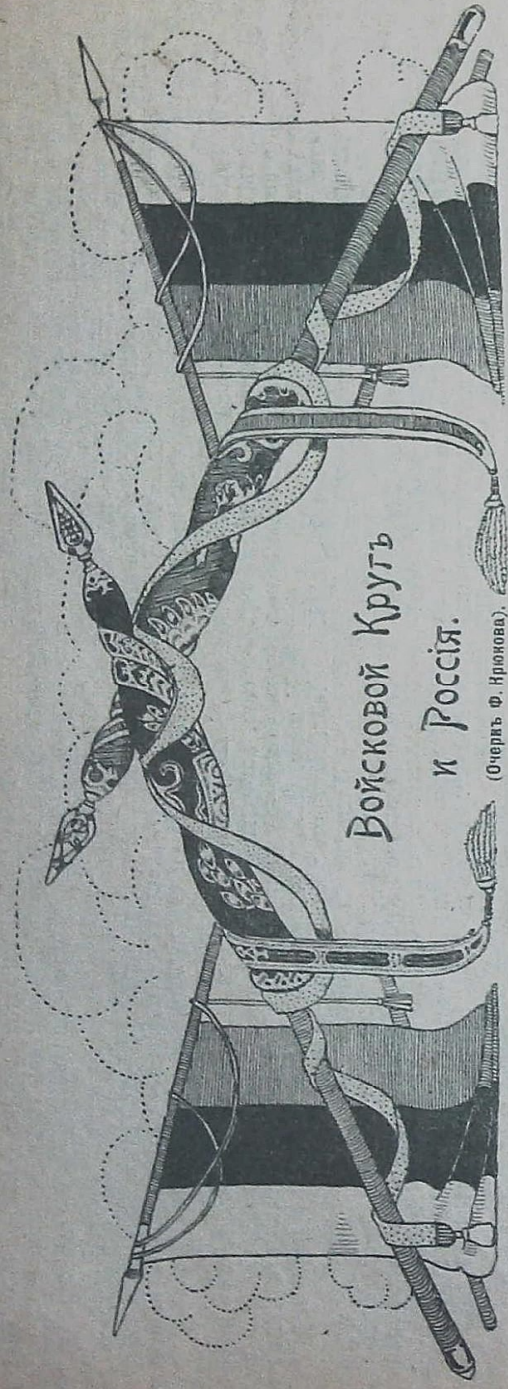
Онъ стоялъ впереди меня—старый, сторбившійся, съ дымящимся калюмъ. Онъ былъ весь весь молитва, и пельтъ и раздумье... О тьхъ, которые страдали и умерли, о тьхъ, мотыла которыхъ остались безъ креста, о тьхъ, которые озлобились и ожесточились въ неволиной тяжелой борьбѣ, молится онъ въ эту тихую, какъ тонкое пльное покрывало, пльскую ночь... Пахотъ ланномъ и степнѣ, периковъ терпится подъ лунными лучами, какъ свѣтъ, вдали разбросался безбрежній золотисто-зеленый просторъ степи и мы молиться... На земль, обрызганной кровью, истекавшей страдальцемъ, мы молиться о тихомъ покоѣ малушкамъ...
— И сонюрия имъ въичную память!...

О. Василий уносилъ на котелки. И подлилась первая его «вѣчная память»—робкая и стыдливая—пльъ тихимъ погостомъ и свѣзна сврзе креста и надмолчильнѣе бугорки, вторая поичпась выше, а третья—свѣзная и влхновенная—подлилась въ ширь и въ высъ, но ночнымъ пльнхитимъ поилмъ, къ далекому сияющему пльбу, и тамъ, какъ дѣлтъ, развилась мольда звѣздъ!...

А о. Василий припалъ къ самой земль и плакалъ беззвѣтными слезами о тьхъ, которые страдали и умирали—тамъ, далеко-далеко!...

Романъ Куковъ.

Войсковой Круть и Россія.

(Очеркъ Ф. Крюкова).

Шель вопросъ о войсковомъ гербѣ, войсковомъ гимнѣ и войсковомъ флагѣ. Надо было заводить все свое, собственное...

Какъ у тѣхъ молодыхъ хозяевъ—одиночекъ, которые только что оставили старое родовое гнѣздо, отошли „на свой хлѣбъ“—на казачьемъ языкѣ въ шутку они называютъ „безвасниками“,—всюду, куда ни глянѣ, нехватка, нужда и оглобленность,—ни зена, ни сарайчикъ, ни колодца, ни даже обожженной мухами лубочной картинки въ предельномъ углу—такъ и у нынѣшняго Крутя чувствуется если не отчужденіе, то большая скудость по части государственныхъ „абсемощи“ (опять пользуюсь своеобразною казачьей словесностью). Многого не хватаетъ. А надо. До зарвазу нуженъ гербъ, символъ народнаго быта и духа. Въ забытыхъ сокровищницахъ сѣдой старина, нашли гербы: „Олень пронзаетъ стрѣлой“. Цосѣтъ промелькавшася изображенія двуглаваго царя пернатыхъ, молучаго и хипнаго, образъ благороднаго оленя, истекающаго кровью, былъ прогнательно грустенъ и близокъ сердцу... Кто-то изъ глубины сѣрыхъ рядовъ партера, тонувшихъ въ сумеркахъ скуднаго освѣщенія, спросилъ:

— Объясните намъ, чего оно обозначаетъ?

Докладчикъ отвѣтилъ, что затрудняется дать историческую справку о происхожденіи этого символа. И, какъ-то ей, никто не зналъ, откуда вело начало это изображеніе. Можетъ быть еще древній мастеръ—грекъ—создалъ его на какой-нибудь вѣвъ скискаго періода. Изъ сѣрыхъ рядовъ вышелъ рядовой членъ съ подвязанной шейкой и объясняетъ:

— Какъ ты, олень, ни быстеръ ногами, а отъ казачьей стрѣлы не уйдешь...

Такъ оно или нѣтъ по существу,—разбираться не стали. Повалялось объясненіе. Гербъ приняли. Перешли къ флагу.

— Комиссія по работѣ основныхъ законовъ единогласно рѣшила: флагъ войска Донскаго считать общерусскій флагъ—бѣло-сине-алый,—сказалъ докладчикъ.— Агвѣвъ Павелъ,—подчеркивая особенно единогласность.

— Была когда-то великая Россія... разсыпалась на куски,—продолжалъ онъ:—Мы, войско Донское, представляемъ собою одинъ изъ осколковъ ея, но думаемъ и вслухъ заявляемъ, что это временно. „Впередъ до“... Мы не можемъ вѣрять,—не мирится съ этимъ наше сердце, что она умерла навѣки, великая наша Россія... что не встанетъ она изъ праха... Нѣтъ великой Россіи, но... да здравствуетъ великая Россія!

Дрогнувъ и зазвенѣвъ, голосъ оратора и—показалось мнѣ—ударилъ по сердцамъ, истомленнымъ скорбью о поверженной во прахъ общей матери нашей, какъ прізывный сигналъ серебряной трубы, зовущій впередъ. И зыгзагомъ пронеслись по залу аллюдисменты, дружные, но жидкіе, далеко не всевъ захвативше. Отозвался одобреніемъ и привѣтствовалъ оратора лишь тотъ тонкій слой, который представлялъ интеллигенцію на Круть. Масса осталась безмолвна. И когда изъ ея рядовъ вышелъ на сцену ораторъ въ рубахъ заштанго цѣвѣ и шароварахъ съ лампа, сами и въ рѣчи не очень гладкой, взлохмаченной, сказалъ, что казачьему сердцу больше говорить новый флагъ, Донской,—васильково-золотисто-алый, и тамъ, на фронтѣ, идуть

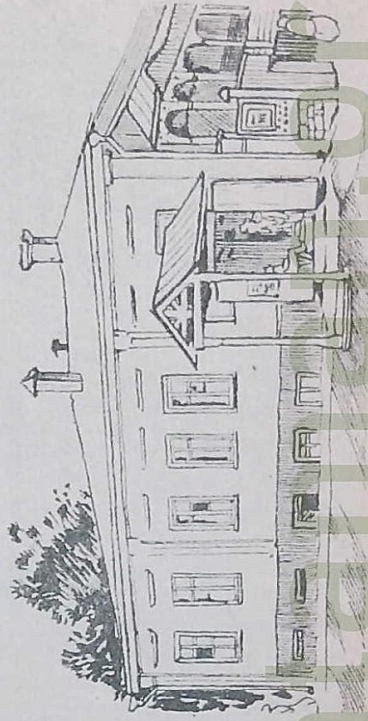
за намъ, какъ за боевымъ знаменемъ,—послѣдующее голованіе лѣсомъ крѣпкихъ рабочихъ рукъ, показало, что быть на Дону флагу донскому, а не обще-русскому...

Звучало гордо это—„собственный флагъ“, но осязательно почувствовалось тутъ же, что сирота мы и „безвасникъ“, голыши, сидимъ у разваленной печки, холодной и ободранной, и нечѣмъ отогрѣть намъ иззябшее сердце...

— Нѣтъ Россіи,—но да здравствуетъ великая Россія!.. Звенить и сейчасъ въ ухахъ взволнованный голосъ, и слезы навертываются на глаза и бьются сердце, цѣпляясь за восторженный зовъ, какъ за замахъ родныхъ крыльевъ. Да, была она неумная, тупо терпѣливая и тупо жестокая, убогая, пьяная—великая Русь. Рвали огурцомъ телушку ея пѣхонцы, соломою пожаръ душили. Но отчего же такъ неотомимо тоскуеть о ней сердце, отчего такъ жаль ее, несчастную Белору, со всей ея темнотой и грязью и вонью, крошечкой тихостью и пьяными слезами, съ ея городо-выми и жуликами, старыми наивными церковками и питейными домами, университетами и кутузками?.. Почему кажутся сейчасъ, что все въ ней было такое чудесное и слабое, какого нѣтъ ни въ одной странѣ на свѣтѣ? И почему такъ тепло было около ея патриархальной печки съ лежанкой и такъ сиротливо холодно теперь, подъ собственнымъ флагомъ?..

Я гляжу на эту внушительную живую глыбу, заплянувшую партеръ новочеркасскаго театра. Плотное, крѣпко сшитые, загорѣлые, твердые люди. Станицы выслали сюда самыхъ серьезныхъ гражданъ. Рядой изъ нихъ не глядѣль въ глаза смерти. Значительная часть лила кровь на всѣхъ фронтахъ. Многие извѣдали сладость и горечь партизанскихъ дерзаний, и имена отважныхъ бойцовъ за спасеніе родного края огненными цѣвѣтами горятъ даже тутъ, въ крещенныхъ огнемъ рядахъ бойцовъ безвѣстныхъ и протыхахъ... Я гляжу на нихъ съ тѣмъ молитвеннымъ вниманіемъ загнаннаго упованія, съ какимъ смотритъ сюда, на этотъ скромный театрикъ, вбурянно вся Россія, опраблѣнная ваятая въ залогъ, изменучная, истерзанная Россія: что скажутъ они, эти степные, сурово-серьзные люди, уставшіе отъ битвы и скитанія походной жизни, обносившіеся, разоренные, но не помирившіеся съ позоромъ подневольной

Рис. Леонна Кулина.

Невечернассій театр (дѣ проиходили засѣданія всѣхъ)

жизни, съ вышелепавшей красной лингатурой? Чѣмъ отвзвуться на мой затеянный чайникъ о „единой, недѣлимой“ несчастьной нашей матери—родины?..

Но они молчатъ. Угрюмо, сурово молчатъ, когда подымаются рѣчь о Россіи. Почему-то каждый разъ, какъ выстукаетъ впередъ этотъ вопиющій, съ нимъ въ одинъ ступокъ сплетается страстный споръ о царской коронѣ, о республиканскій, о старомъ режимѣ. Въ словесныхъ состязаніяхъ около этой темы упрямается главными образцами молодѣжь, фронтонники, пылые ораторы, искусственные въ спорахъ, блестящія изумительно кудравостью словесныхъ оборотовъ и неожиданными выраженіями. Кричатъ, размахиваютъ руками. Но загадочно молчатъ тѣлесная глыба парлаера. Молчатъ, и думаютъ свою думу.

Мы подошли къ альфѣ и омогъ въѣхъ нашихъ дѣлтъ, которая намъ надо разрѣшить!—кричитъ молодой калмачокъ Пуковъ,—онъ никогда не говоритъ сполохно, онъ кричитъ и суетъ руками впередъ и вырвало и въѣво. Слова фонтаномъ сыплются изъ него, мудренія и юркія,—ухо схватываетъ ихъ, но память не можетъ удержатъ, и мысль юлитъ и кружится, какъ дѣтскій кубарь.

—Идите защищать донскую землю, но не защищать царскую корону, не навязывать Россіи когти царскаго орла... Донские лампахи и наше казачество—вогъ что намъ дорого и вогъ что насъ соединило съ Кругомъ спасенія. А теперь, что вы слышите въ руководящихъ рядахъ нашей прессы донской земли? Царь, царь, царь... Вотъ что! „Возстановляйте Россію и царскую власть“. И черезъ это получается среди насъ трещина... Трещина дальше отразится по индустрици на все население... Нѣтъ, господа члены Круга, корону надѣвнетъ не казачья орлиная рука!.

Кудлакъ оратора вздымаетъ надъ головой, и голось достигаетъ высочайшихъ, раздирательныхъ нотъ. Но загадочно молчатъ Кругъ, лишь грузные вѣдохи слышатся въ жаркой духотѣ.

— И въ орлиную руку не дать когти царскаго орла!.. Намъ нужна только донская земля и... вольность казачья... Мы были якована... и теперь сорвались... и больше не желаемъ!..

— Къ дѣду!—дѣвно басить невидимый голось изъ парлаера и шестестящимъ гуломъ несетъ равнодушное, сполохное:

— Будетъ съ него... наговорился...

— Позвольте, господа, мое послѣднее слово таково—умоляющимъ тономъ выкрикивается ораторъ, усиливаясь по-давать этотъ зыбкій гулъ:—какъ въ газетѣ „Часовой“ въ послѣднее время...

— Къ дѣду!—доносится дѣвный гулъ.

— Именно и подхожу къ дѣду... Если въ газетѣ „Часовой“ будутъ оплевываться люди, называемые кадетами...

— Къ дѣду... довольно, братъ...

— Позвольте, позвольте, господа... То вы знаете, что у насъ объединенія никогда не будетъ...

Зыбкимъ плескомъ надвигается снизу глухо ворчащая волна:

— Довольно...

— И похоже, что нѣтъ интереса выслушивать волнующую „Часового“ и юнаго оратора тему о Россіи и о всемъ, что тѣсно сплетается съ мыслью объ ея воскресеніи...

— Довольно...—гулать равнодушные, пренебрежительные голоса.

На вапхъ концахъ казачьихъ штыковъ не несутъ царской короны!—выкрикивается ораторъ въ заключеніе и, тѣнью кулаккомъ въ воздухъ, покидаетъ трибуну.

Трунный возматъ провожаетъ его добродушно ироническимъ шапутствомъ:

— Сядь, шарнице, не разстраивайся.

И чувствуется во всей интонаци этихъ словъ черноземнаго человѣка усталое, необходимое равнодушіе и къ судьбѣ царской короны, и къ участи Россіи, съ трепетной надеждой вперившей въ него взоры. И какъ ни страстно хочется уловить хоть одну полку любовнаго, сострадательнаго вниманіе къ ней,—нѣтъ, не слышать...

— Весь интересъ зависитъ жизни нашей сейчасъ въ одномъ: какъ вогъ эти флажки передвигаются...

Говорить другой фронтонникъ, бравый атаманецъ, горвать и пальцемъ тычетъ въ направленіи десятиверстки, на которой флажками обозначена линия боевыхъ дѣйствій на грани донской земли

— Я коснусь одному, ггъ члены: такъ какъ мы на той стоимъ, чтобы слово не отдалъ в чужое немоще

надо. То надо до того добиться, чтобы эти флажки назадъ не передвигались, но и въ даль далеко даже не пуцались... Россія? Конечно, держава была порядочная, а пидѣ произошла въ низкостъ,—ну и пуцай... У насъ своихъ дѣловъ не мало, собственныхъ... Намъ политикой некогда заниматься и тамъ, на позици, въ прессу мы мало заглядываемъ.. Приказъ—вогъ и вся пресса. Тамъ, господа члены, про царя некогда думать... И не думать! Нашъ царь—Донъ... Этотъ есть тотъ хозяинъ, за которымъ мы пошли... Прямо сказать, господа члены, что кто пропитанъ казачествомъ, тотъ своего не долженъ отдавать дувно... А насчетъ Россіи повременить... Пуцай Кругъ идетъ къ той намъ ченной дѣли, чтобы спасти родной край... пригребай къ своему берегу... больше ничего не имѣю, господа...

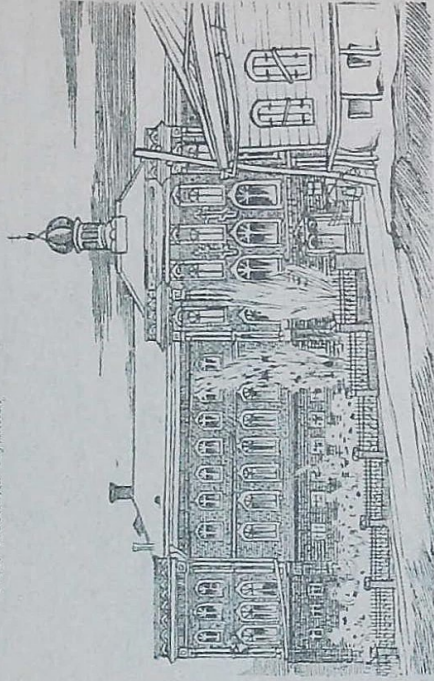
Съ непроницаемымъ безомыемъ слушаетъ и эту рѣчь Кругъ. Пропускаетъ ли мимо ушей онъ безпорядочно-то-роплиныя фразы, сочувствуетъ ли имъ, принимаетъ ли или отвергаетъ,—Богъ вѣдаетъ... Молчитъ. И если заговорить, то о своемъ, близкомъ, о землѣ, о пожарномъ разореніи, учиненномъ красивыми гостями, о военномъ снаряженіи и о „всемъ полагаемомъ“... И конечно, все это понятно, естественно...

„Устали... обноеслись... измотались“...

Олень, стрѣлой пронзенный, еще бѣжить... Но долго-ли? А великая страдалница, Россія родина-мать, вперила скорбный, трепетный взоръ, ждетъ, надеется и вѣритъ... Ибо не вѣрить не можетъ, чтобы дивная сокровища души лучшаго чада ея родимаго—казачества,—героицма, порывъ къ жертвѣ, святое самоотверженіе—были прожиты до послѣдней пылинки на дикомъ торжищѣ краснаго угара и обѣнованія углубленной революци...

О. Тимоновъ

Рис. Леонид Кулина.

Наказъ.

Епархальное училище—общинтѣ депутатовъ войскового круга.

На останковѣ, на земской станицѣ, въ горячую отъ полуденнаго солнца комнату, въ которомъ мы съ моимъ дорожнымъ товарищемъ пили чай съ алыками, снятыми прирешечная дерева подѣ нашихъ окномъ, алыками, вошла кримпечальными глазами старушка—казачка.

— Здорово днешали, господа кавалеры! Чай да сахаръ намъ—забъжамъ гостямъ.

— Покорно благодаримъ, бабушка. Что скажешь холрошенкаго?—отъзывается мой товарищъ, распаренный великолѣпнымъ пахучимъ чаемъ.

— Къ вашей милости,—говоритъ старушка и, торпливо ступая большими ногами въ большыя шерстяныхъ чулкахъ, подходитъ къ самому столу.—Кто изъ васъ будетъ дѣлнать на Кругѣ?

— Я, бабушка,—отдѣляется мой товарищъ. Старушка съ замѣтнымъ оживленіемъ смотритъ на объявившагося депутата.

расть она подобострастно и заглядывает въ самые глаза депутату.—Сдѣлайте божескую милость, Степанъ Ивановичъ! — Въ чемъ дѣло бабушка?—совершенно исправившая делегата, переселиваясь отъ стола къ раскрытому огню, черезъ которое таетъ рѣзвучій сезонной вѣтерокъ, какъ свѣжая вода въ луговой рѣчкѣ... — Старушка косится на непонятно прикрытую боковую дверь, на меня, и спрашиваетъ прерывающимся отъ волнения шепотомъ:

— Вѣрно ли берутъ наши казаки, будто петерекіе угодники теперь уже не въ нашихъ царствѣхъ?

— Вѣрно, бабушка,—взмахиваетъ депутатъ.—Петерекіе угодники теперь на Украинѣ.

— А Преподобный Сергій?—какъ будто не доверяя, продолжаетъ свой вопросъ наша гостья.

— Преподобный Сергій тоже заграничней—въ Великороссіи...

— И балонка Преподобный Серафимъ тоже нынче не нашъ?

— И онъ, бабушка, заграничней!

Старушка въѣхотное время изумленно смотритъ на депутата и вдругъ начинаеть горько плакать, безпомощно обнявъ темнокрасныя, парящія, беззубыя десны...

— Да что же это ты-ако бу-у-улетъ?...—причитаетъ она вслухъ, какая мухой протворослойной бѣлой головой.—Да какъ якой же вы бѣ-бѣла надѣ-блани!

Делегата что-то хотѣть сказать ей, но словно поперхнулся и сдѣлалъ видъ, что смотритъ въ раскрытое окно на румяныя яблоки на куминообразныхъ красивыхъ деревьяхъ. Я низко наклонно смущенное лицо наизъ своимъ стаканомъ...

Когда мы успокоились, въ комнату уже никого не было,—наша старая гостья ушла такъ же тихо, какъ и появилась. Мы долго, долго, случились локтевыми въ толстахъ хуторскихъ, съ землями отливками, стаканомъ.

— Вотъ она—казачья народная душа!—задумчиво говоритъ делегата съ видомъ прозрѣнія.—Россия, Россия, ка-казачка,—съ великой жемостью и великой ибжностью.

— Это вамъ наказъ на Кругъ,—замѣлаю я ему.

— Да, это великій наказъ,—согмашается онъ, съ на-вернувшимися слезами, почти молитвенно...

Романъ Кумовъ

Большой Войсковой Кругъ.

1917-й и 1918-й года дали тяжелыя испытанія Войсковымъ Кругамъ. Революція пробудила жажду самоопредѣленія во всѣхъ почти областяхъ и у всѣхъ народностей Россіи. Этой жаждой прониклось и Войско Донское въ 1917 году, но въѣтъ съ тѣмъ донское кадетство понимало, что вѣдь единой, недѣлимой и могучей Россіи казачество не можетъ существовать. Естественное стремленіе Дона и тяга къ общей матери, родникъ Россіи, проинкали всѣ круги прошлаго года и ими проникнуть и нынѣшній Большой Войсковой Кругъ.

Целомъ на тяжеляя условия жизни войска и трудныя условия работы, Кругъ болѣзненно переживалъ трагическую судьбу родины.— Большой Войсковой Кругъ, несмотря на различія перипетіи въ борьбѣ съ большевиками и своеобразныя отношенія къ писемнымъ государственнымъ, лозовно думаетъ о Россіи, о ея возрожденіи и съ искреннимъ уваженіемъ, лозовно думаетъ о тѣхъ благородныхъ герояхъ, которые пѣз-за интересовъ сегодняшняго дня не забыли и нашу насасную и великую въ своихъ страданіяхъ Россію. Богъ поэтому Кругъ съ искреннимъ уваженіемъ, признательностью и лозовно отноится къ героической доб-

Несмотря на нависшія на насъ черныя тучи, Кругъ живетъ сипатней къ принципамъ народовластія, гражданской свободы. Правда, трудно эти принципы проводить въ юридическія нормы и въ жизнь въ наши дни, но указынные принципы, какъ солнечныя лучи, просвѣчиваются въ главной работѣ Круга. Нужно вѣрять Войсковымъ Кругамъ...

В. Харламовъ

Василій Харламовъ.

Лица круговъ дѣлали ихъ предсѣдателями.

Присутствіе казачество отъ вѣкового сна—къ предсѣдательскому столу подошеть Митрофанъ Богаевскій.

Имъ открылась исторія лонскихъ круговъ. Умарала сказка Митрофана Богаевского, казачество наклонилось съ сѣла на вѣно—за предсѣдательскимъ столомъ увидѣли Павла Агъевъ.

Была лирика, была образная рѣчь, но и въ лирику и въ парилому фразу вкрался сѣверный холодокъ, ибо донской женщина Богаевского смѣняла донской сѣверяннинъ Павелъ Агъевъ.

Въ суматошные дни феврала, когда не было Митрофана Богаевского и Павла Агъева—собрался четвертый кругъ.

Славка на сѣрихъ, парадъ второго разряда.

У руля круга Евгений Андреевичъ Волошиновъ. Изъ Шопенка не выйдетъ Муромцева, изъ Рубинштейна даже Ротанко не выйдетъ. Комизиторъ Волошиновъ Шопень въ политикѣ, казачій Бетховень въ штабъ-офицерскихъ по-тонахъ.

Кругъ прислушивался къ музыкѣ потребальнаго звона въ соборѣ, но политической мудрости не зналъ.

Теперь за предсѣдательскимъ столомъ Василій Акимовичъ Харламовъ.

Не теоретъ—басъ изъ кадетскаго хора. Говорить будетъ въ рупорѣ.

Ворвется за кулисы Новочеркасскаго театра шалунъ-вѣтерокъ и начеть играть концами неизмѣннаго шенковато галстуха Харламова.

Столько лѣтъ съ этимъ галстухомъ Харламовъ? Столько же, сколько Харламовъ ходитъ въ деутатахъ отъ Дона въ Таврическомъ дворцѣ.

Басъ, галстухъ и эщическое спокойствіе.

Василій Акимовичъ—воплощене круга, символъ прошедшей эпохи.

Митрофанъ Богаевскій, Павелъ Агъевъ, Волошиновъ—это революціи, шквалъ въ Донской исторіи.

А. М. Калединъ въ тюрьмѣ.

По должности областного тюремного инспектора мнѣ пришлось немало пережить въ 1917 году, когда, вдохновляемые циркулярами министерства Керенскаго въ тюрьмахъ, наряду съ полномочными надзирательскими комитетами, стали дѣйствовать съѣзды арестантскихъ депутатовъ. Какъ чиновнику, въ то время непосредственно подчиненному войсковому атаману, мнѣ часто приходилось докладывать А. М. Каледину о томъ, какъ постепенно разруха проникала за тюремныя стѣны. Со скорбнымъ, спокойнымъ лицомъ слушивалъ генералъ разныя непріятности, но никакихъ рѣзкихъ шаговъ не предпринималъ.

— Осторожнѣй дѣйствуйте, осторожнѣй, —говаривалъ атаманъ.— Если тройка летитъ подъ гору, ее сразу не остановишь...

Съ тяжелымъ чувствомъ въслушивалъ онъ отомъ, какъ портили положеніе посѣщавшіе тюрьму депутаты отъ общественныхъ и бывшіе очень довольны, когда узналъ, что какъ разъ наоборотъ, одинъ изъ представителей рабочихъ, также въ тюрьму арестантами для выслушанія претензій Я. С.

Б л а ж е н о в ъ

своимъ посѣщеніемъ оказалъ пользу дѣлу и такъ отчиталъ арестантовъ, что они завидовали.

— Нешто это демократъ... Это провокаторъ!

Наконецъ, перебравъ всѣхъ властей и власть имущихъ, арестанты рѣшили „потребовать“ въ тюрьму для выслушанія жалобъ атамана. Когда я доложилъ объ этомъ А. М. Каледину, онъ поморщился, но прибѣжать обѣщалъ.

Однажды въ серединѣ июля я былъ предупрежденъ адъютантомъ А. М. Каледина, что онъ въ этотъ день въ 3 часа будетъ въ тюрьмѣ. И аккурратно въ это время къ ъблюму зданію старой тюрьмы подкатили атаманскій автомобиль.

Больно сердцу было показывать генералу вмѣсто бравой команды надзора распухшуюся стражу. Еще хуже впечатлѣніе было въ камерахъ, куда отъ арестантовъ посыпался цѣлый рядъ претензій.

— Насъ кормятъ сыромъ хлѣбомъ, держать за рѣшетками, не позволяютъ переходить изъ одной камеры въ другую... — Намъ не даютъ отчета, куда дѣваютъ экономію отъ нашей пищи...

Атаманъ терпѣливо выслушалъ жалобы, внимательно пробовалъ хлѣбъ, осматривалъ муку и, приказавъ выстроить арестантовъ на дворѣ, спокойнымъ голосомъ проговорилъ:

— Васъ держать взаперти и не позволяють переходить изъ камеры въ камеру, потому что вы арестанты. Отчета вамъ начальство давать не будетъ; оно даетъ его народу и контр-ролю... А хлѣба такого, который ѣдите вы, не ѣдятъ и мои казаки...

Минуту длилось молчаніе, Одинъ изъ постоянныхъ клиентовъ тюрьмы, дегенератъ С., при начавшемся ропотѣ массъ, крикнулъ:

— Да что, ребята, онъ генералъ, такъ по-генеральски и разеуждасть!

— Я не только генералъ, а выборный народомъ атаманъ, рѣзко отвѣтилъ А. М. Калединъ.

— Посидѣлъ бы здѣсь, такъ не такъ бы затворилъ, — продолжалъ арестантъ.

— Я сюда не поладу, — оборвалъ нахала атаманъ, и круто повернувшись, пошелъ къ автомобилю.

Грустно было смотрѣть въ слѣдъ уходящему атаману. И въ одно мгновѣніе ошибся покойный: пришло время, когда лучше люди попали въ тюрьму.

Вл. Казанскій.

„Тяжелое засѣданіе“

(Изъ дневника бывшего члена войскового правительства)

25 декабря 1917 года. Сегодня было засѣданіе; Митрофанъ Петровичъ *) сидѣлъ очень далеко отъ стола на диванѣ въ углу, а это нехорошій признакъ—значитъ у него скверное настроеніе.

Когда мы съ нимъ, сходили съ лестницы, онъ прогнулъ: — „Тяжелое засѣданіе“.

Но у меня запечатлѣлась сильнѣе вѣрныи обстановка этого засѣданія.

Никогда въ жизни я такъ не жалѣлъ, что я не художникъ, хотя бы плохой, чтобы запечатлѣть эту картину для исторіи. Приутешивали на засѣданіи: Алексѣй Максимовичъ Калединъ, генералъ Алексѣевъ, генералъ Корниловъ, Митрофанъ Петровичъ, М. М. Федоровъ и я (по случаю праздника остальныхъ членовъ правительства не оказался дома).

Рис. В. Желудковъ.

Алексѣй Максимовичъ спѣшалъ въ восемь обѣдномъ, обѣсть посреди стола съ опущенной головой и сумрачными лицами.

Видно отъ него въ концѣ стола сидѣлъ съ подбитой головой генералъ Алексѣевъ. Каивалось, онъ внимательно разсматривалъ потолокъ.

Въ противоположномъ концѣ стола сидѣли генералъ Корниловъ въ синей рубахѣ и черномъ пиджакѣ, Счеткаподивинъ голому, онъ не спускалъ глазъ съ какого то предмета вверху стѣны.

Всѣ трое съ напряженнымъ вниманіемъ слушали рѣчи Бориса Савишкова, который занималъ середину четвертой стороны стола.

Далеко отъ этого стола, въ глубинѣ кабинета въ потемномъ углу дивана сидѣли Митрофанъ Петровичъ и тоже внимательно слушать, вертять руками бахрому скатерти стола. Три генерала—имена койкъ займутъ не одну стѣну въ исторіи Россіи; социалъ, старый террористъ—Савишкова и Митрофанъ—любове Доха...

Точно нарочно судьба свела ихъ, разсидѣла, какъ фотографъ и говорить: — „Ну, снимайте, а то вѣдь, неизвестно, что случится“.

Вотъ эту картину я хотѣлъ бы нарисовать.

Таки картины въ исторіи не повторяются.

Говорилъ Савишкова, говорилъ какъ онъ увидѣть, говорить—красиво, коротко, убедительно.

Уже насчетъ логики и выдержки тутъ не подкупаешься. Кажется, онъ и говорить, будто совершаетъ какой-нибудь террористическій актъ,—хладнокровно, обдуманно, самоубиенно и последовательно.

Это не то, что, наприм., Матвій Скобелевъ или Жаржъ Мауренко.

Говорилъ о необходимости придать Добровольческой Арміи болѣе демократическій характеръ. Говорилъ о необходимости соглашенія съ представителями умѣреннахъ социалистическихъ партій и введенія ихъ представителей въ Совѣтъ Арміи.

Отрывалъ перспективы—тяжелыя. Тяжелыя потому, что многи изъ нихъ брали начало въ действительности этихъ дней.

Это и навѣяло такое тяжелое впечатлѣніе отъ засѣданій. Засѣданія тяжелые, но мнѣ болѣе всего жаль, что его обстановка пропадетъ для исторіи.

И. П.

* * *

Во время боя у хут. Рубежана съ нашимъ наблюдательнымъ пунктомъ было отчетливо видно, какъ маршировали мы, приваливъ къ крыльямъ, вътринной мельницы двухъ людей и пустили мельничныя два труба и опознали въ нихъ двухъ мѣстныхъ жителей казаковъ.

Изъ свѣдѣній шибоби Воеводинаго Войска Донского отъ 13 сентября 1918 г.

Крестила мельница крылами.
На двухъ крылахъ—два челоуѣвка.
Какими славимся дѣлами,
Запомнимте отнынѣ и довѣка.
Два казака подъяты къ небу,
То—сельская Голгова, братцы!
Молитесь той землѣ и хлѣбу,
Два имени въ свои внесите святцы.
Крестила мельница надъ долемъ,
Чертила страшныя заклѣтя,
И умирающимъ символомъ
Въ страданій крестномъ умирали братья.
Крестилъ вѣтрякъ родное поле.
Кропили жертвы земь кроваво
И край напутствовали къ волѣ,
Всю даль благословивъ на трудъ и право.

Сергій Пинусъ.

Изъ исторіи освобожденія Дона.

(Запски походнаго атамана *).

На 14-е февраля въ хуторѣ Арпачинѣ мною была назначена дѣнка: нужно было сосчитать все силы, вышедшія изъ Новочеркасска, пронести некоторую реорганизацию отрядовъ, точно установить запасы, имѣвшіеся непосредственно при партизанскихъ отрядахъ и въ спеціально оборудъ и, наконецъ, выяснитъ количество совершенно небоевого элемента—частныхъ лицъ, послѣдовавшихъ за партизанами.

Съ утра въ штабъ походнаго атамана изъ отрядовъ были доставлены все эти свѣдѣнія. Здѣсь имъ была сдѣлана сводка, вышнвшія очевидную необходимость сократить число партизанскихъ отрядовъ, достигавшихъ по счету огромной цифры—16, при условіи, что въкаторые изъ нихъ насчитывали въ своихъ рядахъ 30—50 челоуѣвъ.

Сокращеніе числа отрядовъ устранило излишнюю громоздкость маленкой арміи, дало возможность за счетъ небоуѣвшихъ отрядовъ создать боеуе сильныя, способныя на выполнение серьезныхъ самостоятельныхъ боеуевыхъ задачъ.

Къ 12 часамъ войска были построены на церковной площади.

Денъ былъ темный, солнечный; настроеніе у всехъ приподнятое, бодрое; лица веселыя, улыбающіяся, глаза, полныя вѣры въ святое дѣло....

Стода же на площадь собрались жители хутора, оди—полные сочувствіи къ партизанамъ, другіе—зубные духомъ въ расчетъ, на всякій случай, проникнуть въ тайну передвѣженія войскъ.

Поздоровавшись съ войскама, я обратился къ нимъ съ

* Продолженіе. Начало записокъ походнаго атамана ген. П. Х. Пинуса см. въ № 14 «Донской Воляе».

ирякою рѣчью, въ которой прежде всего громко и всемерно напомнитъ задачу, возложеную на партизанъ — «восозданіе Большаго войскового круга (по воле послѣдняго—въ ст. Константиновской) и возрожденіе Дона». Рѣшивъ свою мысль, я указалъ, что въ настоящій моментъ трудно еще сказать, какъ лучше и когда партизаны подойдутъ къ ст. Константиновской, но такая ближайшая цѣль, а обстановка подкажеть способъ ея осуществленія.

Коснувшись финансовой стороны, я предупредилъ, что средства въ моемъ распоряженіи очень скромныя, а потому должно запомнитъ твердо, что все участники похода поступаютъ на полное и равное для всехъ иждивеніе таба атамана, но во имя идеи борьбы отъ получения жалованья пока придется воздержаться, ибо деньги нужно расходовать бережно и соритъ ими—неразумно.

Заключительнымъ аккордомъ рѣчи было категорическое требованіе—блеститъ въ отрядахъ полный порядокъ и самую строгую дисциплину, конечно, безъ какихъ-либо комитетовъ, съ полною дисциплинарною властью начальниковъ, такъ какъ только при такихъ условіяхъ возможно выполненіе той великой—святой задачи, какую взяли на себя войска этой маленкой цѣлью, но крѣпкой духомъ арміи *).

15-го февраля войска исполнили тяжельш 55 60 верст. переходъ въ хут. Веселый **, гдѣ пришлось сдѣлать продолжительную трехдневную остановку, съ цѣлью выравнитъ движеніе съ добровольческой арміей, для одновремениаго удара на Великокняжескую и Торговую.

Теплые солнечные дни, равнованіе всеуе явнымъ приближеніемъ весны, быстро испортили дороги и заставили зайти въ замѣноу самаго обоза колеснымъ.

19 февраля, направивъ развѣдку къ сторуѣй казеннаго моста черезъ р. Мангачъ, партизаны прошли въ районъ зимовниковъ западнаго коннозаводства, а 20 февраля съ развѣдкой для связи въ добровольческую армію былъ командированъ къ генералу Корнилову—на станицу Мечетинскую подполковникъ, долженъ былъ дать все справки какъ о запасахъ коннозаводчиковъ, о состояніи ихъ усадѣбъ, о работѣе подходовъ и по тѣмъ вопросамъ, какіе могли бы возникнуть при организации движенія къ Торгоуе.

Получио подполковникъ Кулыгановъ долженъ былъ выиснить о составленіи твердомъ казачьимъ настроеніи въ казачьихъ станицахъ, о полной готовности казачьихъ вступитъ въ открытую борьбу противъ советской власти, лишь бы имъ дали оружіе.

Черезъ день полковникъ Кулыгановъ, исполнивъ свое порученіе, возвратился обратно, и съ нимъ вмѣстѣ спеціальный посланный генерала

Рис. В. Жерякова.

Ген. Середитъ—посоль Украини на большаго войскового круга.

* Въ этотъ денъ, однакъ имъ такъ называемыхъ «общественныхъ дѣателей», сътовавшихъ отрядомъ, задушить была передорота, иблшій цѣлю ареста походнаго атамана и передоу власти партизанамъ пять иду, категорически отклонилшему такое предложение. Изначитъ, въ ст. Веселого, дружина Константиновской станицы повернула къ себѣ въ станицу съ моего распоряженія. И арпачинъ, возмужавъ, встали съ собою только тѣхъ, кто вѣрилъ свято въ казачество и принадлежалъ составленій партизанамъ людямъ.

Харламовъ—спокойное течение донской воды Какаой въберъ замутить тиха воды Дона? Вътерку дозволяется поиграть концами галтуха председателя круга, но и только.

Рядко видѣли Харламова въ Думѣ на трибунѣ. Онъ работалъ въ комиссиахъ.

И кругъ чаще скрывался въ комиссиі и оттуда выносила готовая рѣшенія.

Не была рѣшится кругъ, не щеголять красивой фразой, жуткими моментами.

Ибо не было прежнихъ. Не было Митрофана Богаевского.

Василій Акимовичъ спокоенъ, рѣшится въ мѣру.

Богаевскій—поэтъ.

Харламовъ—работникъ.

И... гумми-арабикъ.

Быль юго-восточный союзъ, мечтавшій стать для Россіи Иваномъ Калитой, собирателемъ Руси—съ юга.

Склеивалъ народъ.

Во главѣ его стоялъ Василій Акимовичъ Харламовъ.

Быль Дону-Кубанскій земскій союзъ.

Во главѣ его опять все тотъ же Харламовъ.

На Кругъ преобладалъ сельскій хозяинъ, станичный и хуторской атаманы.

Харламовъ—самый яркій представитель круга.

Смыслъ сельскаго хозяина, по виду—хорошій станичный атаманы.

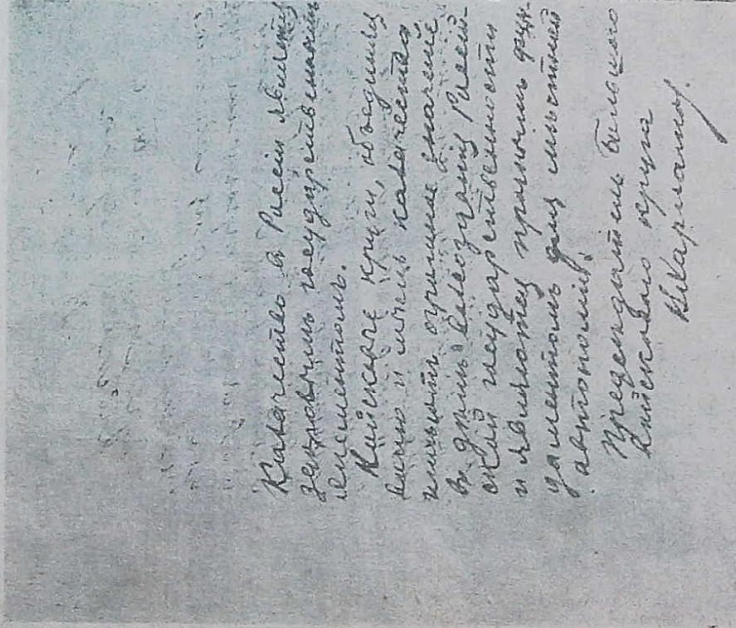
Собрались господа старики на сходѣ, обсудить, что у нихъ осталось послѣ быды великой подновить, почитать "справу".

Въ центрѣ—Василій Акимовичъ Харламовъ.

Умудренный опытомъ долой Дума, средний—не крайний правый, не лѣвый—золотая середина.

Съ увѣренными басомъ, съ шелковыми старомодными галтухомъ—настоящій выразитель казачьяго лица, какъ оно есть въ станицахъ и хуторахъ.

В. Куряновъ.

оаксимиле председателя большого воинского круга.

Охранка о В. А. Харламовѣ.

Имя доставлено, злословный документъ изъ донскаго охраннаго отряда отъ 30 декабря 1915 года, освѣжающій по свѣдѣніямъ атамановъ охраннаго отряда, взглядъ начальника председателя большого воинского круга В. А. Харламова на ожидающуюся революцію.

Документъ былъ адресованъ сенатору С. П. Бѣленскому, сынъ разстрѣланному большевикамъ.

«Сотрудники» охраны, фигурирующій въ документѣ подъ псевдонимомъ «Бузулукскаго»—бывшій депутатъ первой Думы, свѣдѣніа К. Афанасьева.

Приводима полностью этотъ документъ, являющій историческую цѣнность.

(Совершенно секретно). Его преносходительству сенатору С. П. Бѣленскому, г. товарищу министра внутреннихъ дѣлъ.

Ваше преносходительство, милостивый государь Степанъ Петровичъ! Мною отъ сотрудника «Бузулукскаго» получены изложенныя ниже свѣдѣнія, которыхъ я, не рѣшаясь, въ виду ихъ важности, направить обычнымъ порядкомъ, представляю нашему преносходительству. По слухамъ, идущимъ изъ мѣстной еврейской среды, которые, якобы получены изъ Петрограда отъ большаго депутата Гессена, центральный кадетскій комитетъ и комитетъ прогрессистовъ вошли въ переговоры съ какимъ то военнымъ комитетомъ, являющимъ доступъ ко двору, о томъ, чтобы произвести послѣ созыва Государственной Думы государственннй переворотъ. Цѣль переворота германская: удалить съ трона Государя Императора, какъ германскаго филиала и поддерживающаго реакціонное стремленіе правительсва, и возвести на престолъ Великаго Князя Михаила Александровича, оставивъ его иступленіе на престолъ означеновать конституціонными гарантиями. Тутъ же самая свѣдѣнія получаются и отъ нѣкоторыхъ военныхъ лицъ, побывавшихъ и лѣчившихся въ петроградскихъ лазаретахъ; по ихъ утверждѣнію, раненые офицеры и нижне чины много говорятъ по поводу слуховъ объ этомъ въ Петроградѣ. Эти слухи раздѣлили государственнаго переворота, другие стоятъ за переворотъ въ пользу Михаила Александровича. Членъ Государственной Думы Харламовъ категорически протестуетъ противъ подобныхъ слуховъ, находитъ ихъ не только безосновательными, но и преданными, въ томъ отношеніи, что государственннй переворотъ не дастъ ничего Россіи, кромѣ военныхъ бунтовъ, такъ какъ воплѣтъ возможно, что армія раздѣлится на 2 части, которая, вмѣсто того, чтобы вести войну съ немцами, затѣютъ рѣзню между собою, вступивъ въ эту борьбу и остальную Россію, и все это можетъ кончиться нѣшимъ пораженіемъ Россіи и внутреннимъ крахомъ, влекущимъ къ полнѣйшему истощенію страны. Прощу ваше преносходительство принять увѣреніе въ совершенномъ погнѣнии и глубокой преданности. (Слѣдуетъ подпись начальника охраннаго отряда).

Пятый—седьмой кругъ.

(Статистико-политическій очеркъ).

Закончившій первую сессію своихъ работъ нынѣшній большой войсковой кругъ является по счету седьмымъ кругомъ.

Первый кругъ (май и июнь 1917 года), избравшій атаманомъ А. М. Каледина, второй кругъ (малый), собиравшійся въ первыхъ числахъ августа 1917 года, третій—кругъ „мятежа“ Каледина въ сентябрѣ 1917 года, четвертый—въ декабрѣ 1917 года, создавшій „паритетъ“ власти на Дону, пятый (малый)—въ февралѣ 1918 года, избравшій атаманомъ А. М. Назарова и капитулировавшій передъ большевиками, шестой—кругъ спасенія Дона, избравшій донскимъ атаманомъ ген. П. Н. Краснова и, наконецъ нынѣшній—сельской войсковой кругъ, или если вычестъ два малыхъ круга—пятый кругъ.

Нынѣшній кругъ по количеству депутатовъ значительно малочисленнѣе своихъ предшественниковъ. Раньше круги имѣли до 700—800 депутатовъ, теперь на кругъ 354 депутата

Приводимъ нѣкоторыя статистическія данныя о составѣ круга изъ любопытнаго труда В. Пашинскаго, составившаго интересныя діаграммы для свѣдѣнія депутатовъ круга о составѣ въ круга и его лицъ.

— На кругу нѣтъ ни одного неграмотнаго депутата. По полученному образованію депутаты распределяются слѣдующимъ образомъ.

Съ низшимъ образованіемъ	56%
„ среднимъ	—18,1%
„ домашнимъ	—15%
„ высшимъ	—11,4%
(Изъ нихъ съ юридическимъ образованіемъ—3,7%)	

Характерно, что большинство депутатовъ съ домашнимъ образованіемъ

Рис. Леонид Кулига.

Б. Товарищ председателя Круга П. А. Фачинов.
(Сель-Медведицкий округ).

ских О-в, Сельск-Хоз. О-в около 7% депутатов занимающих и занимавших ранее второстепенная, окружная и станичная должности (помощники атаманов, окружные и станичные, станичные судьи, казначей, доверенные)—6,4% депутатов быв. старшин Войскового Правительства и Управ. отдлами Всевеликого Войска Донского—1,7%, депутаты, быв. члены Государственной Думы—1,1% депутатов земских дьятелей—1,1% депутатов городских—0,3% депутатов.

Из этой сравнительной таблицы видно, что депутаты свой общественный стаж проходили в станицах и хуторах, преимущественно в должности выборного станичного или хуторского атамана, их помощников.

Что касается рода занятий, то громадное большинство депутатов хлбборобы (65%). Остальные 35% приходятся на интеллигентные профессии, распределяются след. образом: Военно-служащих (офицеров) около—12,6%, Исключит. обществ. дьятелей около—5,4%. Народных учителей—4,0%. Судебных дьятелей (Члены Окруж. суда, судеб. слбдователи, присяжные повбр, част. повбр, судебн. прист., нотариусы)—3,6%. Директ. и преподав. средн.-учебн. завед.—2,3%. Духовенства—1,4%. Инженеров около—0,9%. Студентов занятый около—0,8%. Коммерсантов около—0,6%. Ветерин. врачей—0,3%. Литераторов—0,3%.

Т. о. из интеллигентных профессий первое место занимают офицеры. Да, оно и вполне понятно:

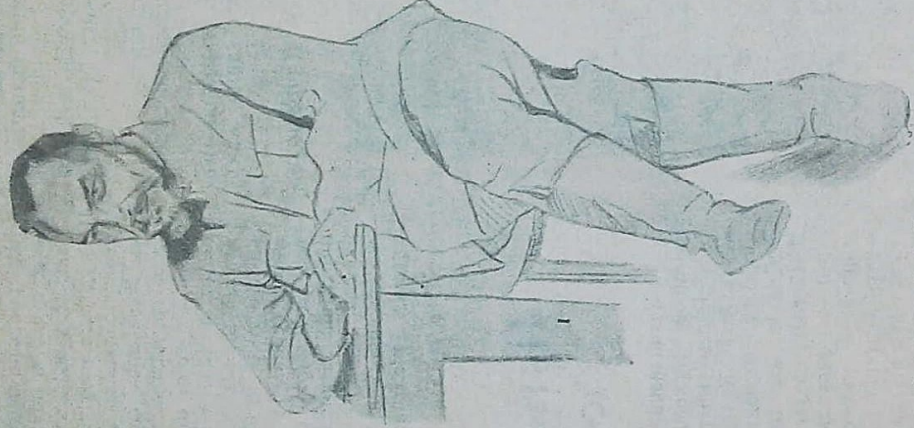
История Донской интеллигенции—история донского офицества. Лишь в недавнее время донская земля покрывалась сравнительно густой сетью средних школ. А первое высшее учебное заведение недавно отпраздновало свой десятилетний юбилей пребывания в Новочеркасске. Да, и сами уроженцы Дона, получившие высшее образование в России, предпочитали силы свои и знания отдавать не Дону, а России. Сколько докторов, адвокатов, учителей донских казаков разбросано по широкому лицу необъятной Руси!

По вфрйсноивданно, первое место занимают православыне—90%, второе старообрядцы—7% и, наконец, третье место—буддисты 3%. Большинство старообрядцев приходится на 2-ой Донской округ. Буддисты же исключительно депутаты Сальского округа, представители калмыцких станиц.

Что касается возраста, то на Кругу представлены депу-

Зато большинство депутатов Круга как законодательной работы не было подготовлено, ибо из состава Круга не занимались никакой общественной работой 48% депутатов в настоящее время состоять атаманами (окружными, станичными и хуторскими) 14,3% депутаты раньше были атаманами (пояхоньям, окружным, станичными и хуторскими) 14% депутаты, были депутатами на прежних Войсковых Кругах 7,4% депутаты, состоять членами различных кооперативов, потребителей

Рис. В. Желдакова.

Донской писатель В. Д. Крюков—сенатор Круга.

таты от 21-летнего юноши до 64-летнего старика. Молодой возраст больше всего дан фронтовиками. В общем, от 21 г. до 30 л. . . . 23,3% (30 лбт. 7%)
" 31 г. до 40 л. . . . 37%
" 41 г. до 50 л. . . . 25%
" 51 г. до 60 л. . . . 13,3%
" 61 г. до 64 л. . . . 1,1%

Первое место, т. о., занимает средний возраст.

При выборах, видимо, обращалось внимание и на чины и звания выбираемых, ибо из общего числа.

Урядников	28,3%
Оберь-офицеров	15%
Не имбюц. чинов	21%
Вахмистров	12%
Пояхорунжих	8%
Гражданских чин.	5%
Штабь-офицеров	3,4%
Генералов	3%
Нестроевых	0,3%
Фельдшеров	0,3%
Приказных	0,3%

Если покажется странным, что число генералов, штабь и оберь-офицеров не совпадает с числом военно-служащих, то это объясняется тем, что в последнюю графу не вошли офицеры отставные и занимающиеся общественной или иной дьятельностью.

Депутаты по округам распределяются по большинству представительства так:

2-й донской округ	60 депутатов
1-й донской округ	58 "
Усть-Медведицкий	53 "
Хоперский округ	50 "
Черкасский округ	46 "
Донецкий округ	38 "
Верхне-Донской округ	31 "
Сальский округ	18 "

Каждый округ дблится на двб группы—представителей от станиц и представителей казачьих полков—фронтовиков.

2-й донской округ: станиц.	43. фронтов. — 17.
1-й донской "	46. " 12.
Усть-Медведицкий округ "	43. " 10.
Хоперский округ "	42. " 8.
Черк., Гост.-и Таган. ок. "	36. " 10.
Донецкий округ "	27. " 11.
Верхне-Донской округ "	21. " 7.
Сальский округ "	14. " 4.

Таким образом, из 354 депутатов Круга 275 являются представителями станиц и 79 представителями фронтовиков.

Рис. В. Желдакова.

Средний тип депутата—земледельец урядник, и бо вахмистры(42) ть же урядники да и вчерашние урядники. Круг — "человбк воен-

За столем преидума цбвть казачества: представитель Круга—депутат ть всех созывов Государственной Думы, председатель првительства Юго-Восточно союза В. А. Харламов, среди товарищей председа-

Товарищ председатель Круга Г. П. Янов, бывший председатель Круга (Блаженн. Дона (Черкасский округ)).

Медведицкий округ

Рис. В. Желдакова.

Товарищ председатель Круга П. Д. Дудаков, организатор восстания в Хоперском округе. (Хоперский округ).

В трех этажах огромного здания, в классах и дортуарах скромных епархиальных учреждений, спальных, комиссионных и приемных комнат.

На дверях мелькают надписи: Верхне-Донецкий, Хоперский, Усть-Медведицкий округа. Это общежития депутатов. Узкая диванная кроватка епархиалок едва вмещают могучих казацкий тѣла.

Те обстоятельства, что депутаты живут вмести, создают массу благоприятных условий, совместное размещение прерятецует, прежде всего, абсенгензому депутатов, содействуя постоянному кворуму комиссий и пленума. Кроме того, оно дает возможность узнать друг друга ближе, давая со временем извѣстную спайку. Можно, даже, сказать, что совместная жизнь, в общем, повышает моральный уровень Круга, ибо ведет къ тому, что депутаты постоянно навиди друг у друга, что в значительной степени устраняет возможность различныхъ безответственныхъ влияний со стороны.

Въ центральный театр Бабенко заседают 5-ый Войсковой Кругъ. Сидятъ тоже по округамъ, а не по политическимъ признакамъ и убеждениямъ, и это даетъ поводъ говорить о превосходствѣ принятой системы.

Лицо Круга—проще и спокойное, здоровое русское лицо. Лицо, независимо отъ того, присвоено ему погоны съ звездами, или вовсе безъ полосокъ, напоминающее прежде всего о родной станицѣ, о земелькѣ, о домашнемъ углѣ, а потому уже о всемъ прочемъ. Такое лицо Круга подготовлено всей историей казачьяго Дона. И сомнѣваться въ томъ, что послѣдній далъ на Кругъ все лучшее, что могъ дать, не приходится.

Противники этого мѣтня основываются, главнымъ образомъ, на томъ, что на Кругу слабо представлена донская ин-

теллигенция, что здѣсь мы не видимъ „соли земли“. Степень правильности этого взгляда зависитъ отъ того смысла, который вкладывается въ слово интеллигенция. Если подъ послѣдней мы будемъ понимать представителей той необычайно малочисленной въ Россіи группы, которая обладаетъ университетскими дипломами, или придадимъ этому понятию еще болѣе узкое значение—то понятно, на Кругу „интеллигенция“ немного. Но такой интеллигенции немного было и во Всероссийской Государственной Думѣ. Думѣ 3 июня, избирательный законъ кото-

Рис. В. Желдакова.

П. М. Артьевъ.

телей—любимецъ камикаго народа, его Баянъ—присяж. повѣр. Б. Н. Улиновъ, представитель Круга спасения Дона полк. Г. П. Яновъ, видный общественный деятель Горчуковъ, организаторъ востанія въ Хоперскомъ округѣ есауль Лудаковъ, популярный въ Усть-Медведицкомъ округѣ общественникъ Скачковъ и другие не менѣе яркие.

II.

Хозяинъ Донской земли размѣчался въ Епархиальномъ женскомъ училищѣ.

рой былъ расчитанъ Крыжановскимъ на обладаніе болѣе точно, а слѣдовательно, и болѣе образованнаго элемента. Въ 4 Думѣ, напр., изъ 410 депутатовъ лишь 210, т. е. 47%, обладали высшимъ образованиемъ. Приблизительно также обстоитъ дѣло и въ Думѣ III созыва. А въ первыхъ двухъ Думахъ, избирательный законъ которыхъ стоялъ ближе всего къ избирательному закону Круга (за исключениемъ косвенности выборовъ) были даже неграмотные депутаты.

Цифровыя же данныя относительно образования члена депутата

Товарищъ председателя Круга М. А. Горчуковъ. (Первый Донецкой округа).	
Домашнимъ	52
Среднимъ	65
Низшимъ	197

Т. е. лицъ съ высшимъ образованиемъ 11%, обладающихъ же среднимъ образованиемъ въ томъ числѣ и специальными званіями 17%. Разумѣется въ этомъ случаѣ немаловажную роль сыграло коренное недоверіе къ интеллигенту, перешитое большевизма, однако и извѣстная кампания, поднятая нѣкоторыми органами печати противъ интеллигенции вообще и донецкой въ особенности—сдѣлала свое дѣло. Народъ „буржуазь“ не послалъ, а если и послалъ, то не иначе, какъ поставивъ къ нему для наблюденія „своего“.

Изъ всего сказаннаго видно, что прилагать къ Кругу эту мѣрку было бы едва ли справедливо и слѣдуетъ поискать другихъ критеріевъ. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ другой признакъ: общественный и политическій стажъ. И вотъ здѣсь мы сталкиваемся съ явленіемъ, нѣсколько неутѣшительнымъ. Но вопросъ, зпанный произведенной среди депутатовъ анкетой—объ общественной дѣятельности, подавляющее большинство дало отрицательный отвѣтъ.

168 членовъ Круга отвѣтили на этотъ вопросъ „нѣтъ“, при чемъ при обзорѣ подлинныхъ анкетныхъ листовъ бросается въ глаза то обстоятельство, что нѣрѣдко, отвѣчая на вопросъ относительно общественной дѣятельности утвердительно, члены Круга подъ таковой разумѣли зачастую частную, или даже государственную службу.

Поражаетъ ничтожный процентъ кооператоровъ. Ихъ всего 24 человека. Это въ то время, когда даже безалаберно и порою преступно прокативше выборы въ Учредительное Собраніе дали значительно высшій процентъ кооперативамъ.

Среди депутатовъ насчитывается 26 членовъ бывшихъ круговъ и съездовъ и даже четыре первоумца Это, прежде всего, Предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ, Секретарь Круга писатель Е. Д. Крюковъ и депутаты—первотумцы Куркинъ и Кацаковъ.

Ровно половина старокруговцевъ приходится на долю I Донского округа—ихъ 13 человекъ. Эта группа и придаетъ округу болѣе активный харак-

Рис. В. Желдакова.

Рис. В. Желдакова.

Депутатъ Круга гон. 3 А Артьевъ.

терь, несмотря на то, что общій составъ округа немногимъ отличается отъ сосѣднихъ.

Для наглядности позволимъ себѣ привести нѣкоторая цифровая данная, сравнивъ хотя бы 1 Донской округъ, напр., съ Черкасскимъ.

Въ Черкасск. окр. изъ 41 деп. 28 хлѣбороб., 16 никогда не заним. общ. дѣят., 4 общад. высш. образов.

Въ 1 Донск. окр. изъ 58 деп. 30 хлѣбороб., 8 никогда не заним. общ. дѣят., 15 общад. высш. образов.

Кругъ не переоцениваетъ своихъ силъ. Во всѣхъ труднѣхъ случаяхъ законодательной практики онъ не боится обращаться къ помощи специалистовъ и въ коммисіонныхъ и корреспондентахъ Епархіального училища можно видѣть профессоровъ университета, извѣстныхъ адвокатовъ и другихъ «свѣдущихъ лицъ». Правда, стремленія къ соединенію съ Россіей, къ возсозданію ея, какъ-то незаметно. Это какъ-то обходимо. Однако, и сепаратистскія стремленія отсутствуютъ совершенно, и въ этомъ Кругъ выгодно отличается отъ устремлений Кубанцевъ, которые, если вѣрять ихъ официальному представителю г. Макаренко, только и думаютъ о томъ, какъ бы удержать свою «независимость».

Донской Кругъ ни о какихъ отдѣленіяхъ не помышляетъ, планомерно работаетъ, ведомымъ своимъ президентомъ, на которомъ, надо отдать ему справедливость, лежитъ вся тяжесть законодательной работы. Въ этомъ смыслѣ президентумъ, точнѣе бюро его, проявляетъ недюжинную энергію.

Е. М. Кискевичъ.

Генералъ Алексѣевъ.

Умеръ генералъ Алексѣевъ.

Давно, казалось бы, миновало время, когда военный вождь долженъ былъ быть одновременно и вождемъ духовнымъ. Армія, превратившаяся изъ орудія полководцевъ въ орудія искушенныхъ въ дипломатіи кабинетовъ, не нуждается въ томъ, чтобы ихъ предводители занимались еще и политикой. Особенно вѣрны этому принципу русская армія и русской генералитетъ. Всѣ наши полководцы, начиная съ Кутузова и кончая Куропаткинымъ въ политической сферѣ, являлись лишь слѣплыми исполнителями предначертаній вышше, хотя отдѣльные изъ нихъ и обладали самостоятельными политическимъ міросозерцаніемъ, какъ, напр., тотъ же П. А. Куропаткинъ и Д. А. Скобелевъ.

Но великая война и продолженіе ея—революція въ корнѣхъ изменили и это. Стратегія нашего времени вопреки въ себя все болѣе и болѣе обширная области экономики, политики, науки гуманитарныхъ, социальныхъ. Она требуетъ отъ стратега, чтобы онъ былъ почти энциклопедистомъ.

Въ особенности это оцутительно въ наше родное безвременье, когда неоплата получать никакихъ директивъ и вся отвѣтственность падаетъ на собственную голову. Для пушекъ нуженъ не только порохъ, но и идил. Безъ идей онъ не стрѣляетъ—это извѣстно еще нашимъ предкамъ. Но съ кого спросить въ періодъ гражданскихъ войнъ.

Совершенно исключительная обстоятельство требуютъ, чтобы полководецъ былъ не только военачальникомъ, но чтобы одновременно онъ былъ и твердымъ администраторомъ и дальновиднымъ политикомъ, и удачливымъ дипломатомъ.

Таковымъ былъ генералъ Алексѣевъ.

Онъ—мозгъ Добровольческой арміи, центръ

и средоточіе ея матеріальной и политической мощи. Онъ—сдерживающее начало при всѣхъ колебаніяхъ и удалонахъ, онъ же толкъ коммандъ, согласно указаніямъ котораго двигались добровольческія дивизіи, добровольческіе корпуса.

Безпрестанная работа Алексѣева была незамѣтна.

Это человекъ, который любилъ держаться въ тѣни. Личная скромность и, быть можетъ, то обстоятельство, что при всѣхъ «режисмахъ» генералъ былъ «не въ модѣ» помогутъ объяснить это. Генералъ Алексѣевъ всегда, у всѣхъ режисмавъ былъ на «подозрѣніи» и у стараго и у новаго, и у самоновѣйшаго.

Причина этому та, что генералъ зоркимъ взглядомъ политика умѣлъ различать друзей отъ враговъ, полезное отъ нагубнаго, свое отъ чужого и карьеристовъ отъ людей дѣла.

А дѣло родины ставилъ всегда превыше всего.

Такимъ онъ былъ въ старой ставкѣ въ Могилевѣ, тамъ къ нему явился передъ Керенскимъ, старавшимся въ тѣ времена передѣлать и удивить совѣтъ раб. деп., такимъ же остался на Московскомъ совѣщаніи, не побоявшись указать не только на ошибки правительства, но и на грѣхи военныхъ круговъ.

Такимъ же пришелъ и на Донъ.

Обыкновенно было принято думать, что генералъ Алексѣевъ—сфинксъ, замкнувшийся и держащій себя загадочно, что онъ загадка въ смыслѣ симпатій и антипатій политическихъ, или, какъ любятъ теперь выражаться, «ориентаций».

Это совсѣмъ не такъ.

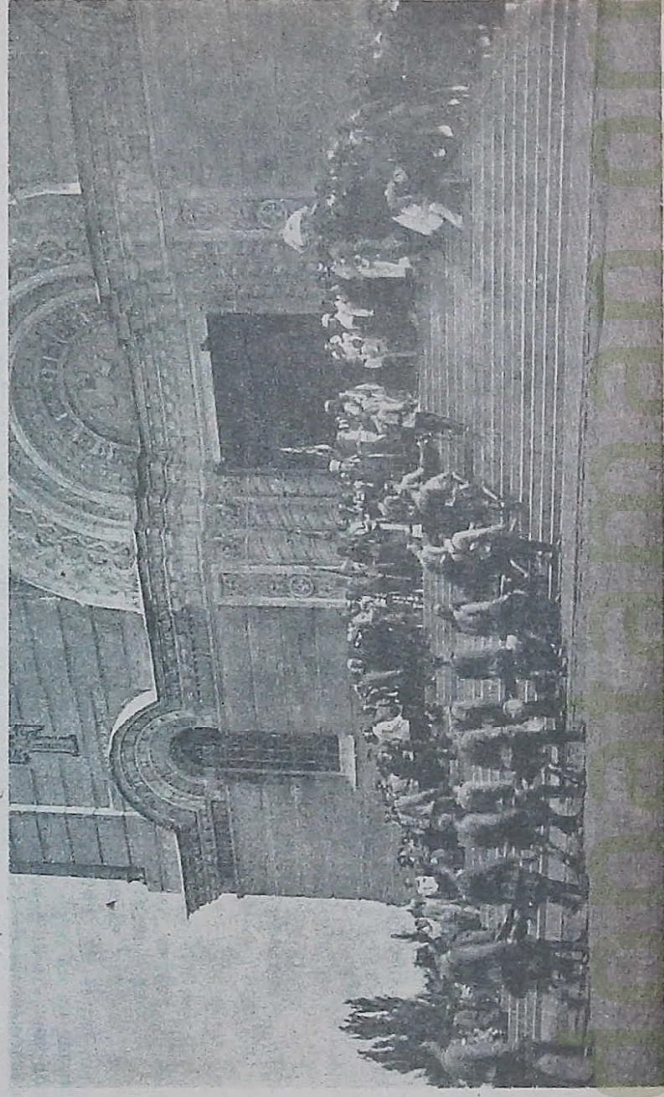
Люди, знавшие ген. Алексѣева, скажутъ, что такое онъ представлялъ собой, какъ политическая величина. Скажутъ, что это былъ цѣльный и рѣшительный русский патриотъ со всѣми вытекающими изъ такого положенія послѣдствіями. Глубоко религиозный отсюда, быть можетъ, нѣсколько фаталистъ, онъ и не пытался повернуть разбитый корабль русской государственности къ чуждому этому кораблю фарсатеру.

И «ориентировался» генералъ на возрожденную великую Россію.

Однимъ словомъ, кто такой генералъ Алексѣевъ, лично знали его враги, знали и друзья, знали, чего можно и чего нельзя ждать отъ него. Горько только, что мало этихъ друзей у стараго русскаго генерала, пребывавшаго «не въ модѣ» и много, слишкомъ много враговъ. Но еще болѣе «нейтральныхъ», въ сонномъ равнодушіи взиравшихъ на героическую борьбу...

Е. К.

Въ день открытія круга.

Перенесеніе воинскихъ регалий въ соборъ.

Въ дови отырыгя круга

Шестале атамана ген. П. Н. Краснова въ сборы.

Въ своемъ письмѣ генералъ Алексѣевъ убѣждаетъ меня также измѣнить свое рѣшеніе и повернуть къ добровольческой арміи*).

Хотя я хорошо зналъ взглядъ своихъ партизанъ на этотъ вопросъ, но все же собралъ всѣхъ, начальниковъ отрядовъ, для ознакомленія съ создавшейся обстановкой и съ предложениемъ генерала Алексѣева.

На совѣщаніи картина положенія была освѣщена со всеми подробностями, и—все начальники отрядовъ высказались за мысль, что намъ, Донецкимъ казакамъ, нужно продолжать выполнять свою задачу спасенія родного края у себя на Дону, а не на Кубани. Только одинъ отрядный командантъ полковникъ Мамонтовъ, которому слово было предоставлено первымъ, высказался за присоединеніе къ добровольческой арміи.

Съ этого момента заманчивая мысль о совмѣстныхъ нашихъ дѣйствіяхъ съ добровольческой арміей въ задоонскихъ степяхъ отпала сама собою, и партизаны утѣренно пошли къ намѣченной цѣли самостоятельнаю.

Авангардный бой у казеннаго моста былъ первымъ и очень удачнымъ дѣломъ отряда войскового старшины Семилѣтова,—красные были расѣяны и понесли большія потери. Къ сожалѣнію, и изъ рядовъ доблестныхъ семилѣтовцевъ выбыло 9 человекъ, среди которыхъ оказался смертельно раненымъ есаулъ Пашковъ, офицеръ рѣдкой храбрости.

Въ отбѣжномъ шествіи генералу Алексѣеву я, высказавъ свое сожалѣніе, что пути донскихъ партизанъ и добровольческой арміи неизожиданно разошлись и какъ разъ въ тогъ моментъ, когда партизаны уже вступили въ бой, когда естъ уже жертвы, когда самая цѣль такъ близка, сообщилъ иподѣвъ открыто общему мнѣнію всѣхъ начальниковъ отряда о невозможности присоединиться къ добровольческой арміи, при наличіи мѣстной донской задачи.

Казалось, вопросъ былъ исчерпанъ, но 23-го февраля въ мой штабъ на зимовникъ Якова прибылъ изъ добровольческой арміи корнетъ Ленинъ, онъ назвалъ себя лицомъ, якобы командированнымъ генераломъ Алексѣевымъ—уговорить, походного атамана повернуть къ добровольческой арміи. Странное рѣшеніе этого корнета вынудило офицеровъ моей арміи обавина какія нибудь мѣры во избежаніе большихъ несприятностей. Впрочемъ корнетъ Ленинъ успѣлъ увлечь нѣкоторыя сердца въ своей конвой на обратный путь.

24-го февраля небольшой сводный отрядъ партизанъ, перправившись черезъ р. Мамычъ у зимовника В. Я. Корол-

кова, опротивилъ красныхъ у х. Шаро Булукъ, зашелъ въ ст. Подолскую, а 25-го изъ партизанскіе отряды пошли въ станицу Великомижескую, откуда одновременно бѣжали совѣтскія власти, съ главкомандующимъ Алексѣевымъ во главѣ.

Ст. Великомижеская встрѣтила партизанъ сдержанно... **Б**

Но на слѣдующій день на станичномъ сборѣ, куда я былъ приглашенъ, казакъ выразили готовность присоединиться къ партизанамъ, если станица не будетъ очищена партизанскими войсками.

Въ своей отбѣжной рѣчи я разъяснилъ казакамъ, что остановка его въ ст. Великомижеской можетъ быть только кратковременной, такъ какъ сидѣть на желѣзной дорогѣ, подѣ угрозою и съ сѣвера, и съюга, не имѣя тыла, безуміе. Не желая вводить въ заблужденіе казаковъ, я открыто пояснилъ имъ, что, пополнивъ нѣкоторые запасы, партизаны перейдутъ въ районъ восточнаго коннозаводства, *) откуда будутъ наивѣдываться и въ станицу.

Развѣдка скоро выяснила скопленіе значительныхъ силъ красныхъ на станицѣ сѣвернѣ Великомижеской и южнѣ—на Торговой. А къ вечеру 27-го у станицы Двойной было обнаружено присутствіе нѣсколькихъ эшелоновъ красныхъ бантъ, которые къ вечеру потѣснили наше охраненіе и открыли артиллерійскій огонь въ направленіи станицы.

Я приказалъ выдвинуть подѣ начальствомъ войскового старшины Семилѣтова сильный отрядъ къ сѣверу, чтобы отбѣснить красныхъ и не допустить бои на территории станицы, а въ 3 часа дня 28 отгелъ всѣ войска и обозы на зимовникъ восточной части, занявъ широкое расположеніе на 45—50 верстѣ въ глубину.

Здѣсь въ глуши, вдали отъ желѣзной дороги, на покой предполагалось дать отдыхъ войскамъ, привести въ порядокъ обмундированіе и обувь, наладить обозную часть и до весны заняться боевою подготовкою войскъ.

Однако обстановка сложилась иначе. Съ появленіемъ партизанскихъ отрядовъ въ районѣ Зимовниковъ, провокація захватили не только Сальскій округъ, но проникла въ глубину и Астраханскихъ и ставропольскихъ степей. О партизанахъ, которыхъ именовали «кадетами», распространялись самые невѣроятные слухи, поднимая и разжигая этимъ мирное населеніе. Особенно въ этомъ погрѣшили провокаторы изъ Новоселовки, что около Мамычской ярвельчаницы. Призывая на помощь ставропольцевъ и астраханцевъ для борьбы съ «кадетами», они рассказывали, что кадеты на своемъ пути поголодно вырываютъ все населеніе, не щадя даже дѣтей, грабятъ имущество, сжигаютъ сена и въ своемъ варварствѣ не знаютъ границъ.

Такіе нелѣпые, совершенно невѣроятные слухи имѣли свои результаты: поднимая и салские, и астраханскіе и ставропольскіе крестьяне. Изъ селъ за 200—300 верстѣ отъ границъ, они на подводахъ съ оружіемъ въ рукахъ свисли навстрѣчу своимъ «облуженнымъ товарищамъ». И въ то время, какъ главное вниманіе наше было обращено на западъ къ станицѣ желѣзной дороги Великомижеская-Ремонтная, красные появлялись и на сѣверѣ и особенно на востокѣ—въ иномѣхъ тѣлу. И чѣмъ спокойнѣе держались мы, тѣмъ сильнѣе становились они, почему мелкія стычки и перестрѣлки развѣдывали-тѣмныхъ частей скоро перешли въ бои.

*) Въ ст. Великомижескую прибылъ изъ добровольческой арміи сводный отрядъ для связи—генеральнаго штаба полковникъ Ресминовъ, который, получивъ попутно ориентировку, черезъ депъ отбѣснить обратно, а къ намъ присоединиться, раскѣдъ полковникъ Давыденко, который шелъ въ Астрахань и не могъ пробраться.

Потери, понесенные красными в первом серьезном же бою, вытолкнули их на мысль—вступить с нами в переговоры. Из села Ремонтного, что на границе с астраханскими селами на зимовник И. Безуглова в мой штаб в начале марта прибыла первая делегация от астраханских сел для установления мирных отношений.

Эта делегация выяснила, что 18 потраченных с Донской областью сел, составили съезд для самообороны, что по зову нососеловцев они выставили против нас значительные силы, в виду слухов о насилиях, якобы творимых «кадетами», но хотьи бы выслить наши цбли и требования сь тьмь, чтобы прития кь мирному соглашению. Между прочим, эти делегаты окончательно подтвердили наши сведения, что вь тюрьмь с. Ремонтного томяте незадолго передь этим, захваченные ими астраханцы, надь которыми ведется судья, вь сожженной вь слухи о насилиях «кадетовья», побывавь начинать переговоры.

Оказалось, что все это делегатами было уже сфаляно, что клевета выяснилась вь полной наготь, почему они, видя явный обман, вьполнъ искренно пришли искать мира и просят письменно—за печатю дать намь отвьтъ и выслать делегатовъ вь с. Ремонтное для окончательныхъ переговоровъ. Мой отвьтъ былъ слѣдующаго содержания: отрядъ волныхъ донскихъ казаковъ, прибывшій вь Задоноскаі стени, никакихъ завоевательныхъ цблей не пресѣдуеть, почему население признается немедленно присунуть кь мирному сельскому труду, при чемь, вь случай насилій со стороны различныхъ бродячихъ шайкь грабителей, обязьется помочь.

Требования свои изложилъ вь формь вьполнъ опредѣленной: 1) немедленный вводъ всѣхъ вооруженныхъ силъ изъ предьловъ области; 2) не убивать нежелательныхъ столкновений и правокации; 3) не укрывать и наобороть сообщать о всѣхъ передвиженіяхъ враждебныхъ вооруженныхъ отрядовъ; 4) сдѣйствовать, вь случай необходимости, свободному проходу партизанскихъ отрядовъ; 5) немедленное освобождение всѣхъ плѣнныхъ астраханцевъ; и 6) окончательный срокъ перемирия 12 марта, до котораго даже отдѣльные разъѣзды противника не должны были переходить линию р. Чекалды.

Съ такими требованиями делегация отправилась обратно вь с. Ремонтное, а сь цюю и два представителя отъ меня есауль Стуловъ и А. Ф. Алданкинъ, которые должны были на мьстѣ выслить всю обстановку.

Пока делегация находилась вь с. Ремонтномь, на сьверномь фронтѣ нашего расположения сложился эпизодъ, который едва не окончился печально для нашихъ представителей вь с. Ремонтномь.

Дѣно вь томь, что шайки красныхъ, учитывая хорошо полное отсутствие оружія у калмыкь, безнаказанно производили набѣги на калмыцкія станицы, безцеремонно грабили ихъ, угоняли скотъ и терроризировали население.

Вь день открытія круга.

Парада вь Церемониальномь маршѣ атаманскаго полка.

Представители ст. Граббевской обратились ко мнѣ съ просьбою—отослать шайки грабителей, помочь поднять стужатый составъ станицы и присоединиться кь партизанамъ.

Для выполнения этой задачи, вь периодъ переговоровъ сь астраханскими большевиками, вь ст. Граббевскую была направленъ отрядъ есаула Назарова. У хут. Гашуна отрядъ этотъ имьлъ столкновение сь шайками красныхъ, которые немедленно спровоцировали это столкновение вь с. Ремонтномь, какъ нарушение переговоровъ и едва не учинили самосуда надь нашими представителями.

Есауль Назаровъ успѣшно выполнитъ свое поручение и привелъ сь собою изъ ст. Граббевской двѣ конныхъ сотни калмыкь.

Одновременно сь этимъ изъ района западнаго коннозаводства прибылъ генераль И. Д. Поповъ и также привелъ сь собою 2 конныхъ сотни Платовскихъ калмыкь, которахъ оны сформировать такъ по моему поручению.

Сь этого момента калмыки открыто выступили на борьбу за спасение казачества и Дона. И если бы у меня было вь достаточной мѣрѣ оружія, можно бы было поднятъ сразу и поголовно всь калмыцкія станицы, задыхающихся отъ болшевикскаго счастья.

Одновременно сь превращениемъ переговоровъ вь с. Ремонтномь, возобновились схватки сь красными, и центръ тяжести сразу переѣхали на восточный фронтъ.

Вь это время мой штабъ велъ развѣдку кь створамъ станицы Андреевской, которая совмѣстно сь калмыцкими станицами открыла совѣтскую власть и, отсталая свою казачью самостоятельность, вступила, по слухамъ, вь открытую борьбу сь красными у станицы Котельниково.

Первые признаки казачьего отрезвления были налицо.

Нужно было поддержать его, нужно было вдохнуть вь зародыши движения струю увѣренности.

Нужно было придвинуться ближе кь станицамъ, чтобы своимъ присутствіемъ дать имъ импульсъ, восстановить ритмъ, на который могъ бы опереться весь переноротъ.

А тутъ банды красныхъ, окружившіе маленькую партизанскую армию со всѣхъ сторовъ, повидному, замыслили зажать ее вь тиски.

Бой 20 марта у зимовника Я. А. Королькова рѣшилась судьбу восточнаго фронта: ставропольцы, послѣ кровавой брани, вступили вь переговоры и по первому же требованію моему ушли домой.

Зато салские большевики, соединившись сь астраханцами и усиленные отрядами Кулакова и другихъ, специально прибывшими изъ Царицына, сдѣляли попытку закрыть и сомѣтъ орудовать партизанское сьверное направление, выходящее кь р. Дону.

Бои у зимовника Степаненкова 22 и 23 марта, гдѣ семилѣтныя потери смертельно раненымъ доблестнаго командира второй роты полковника Лысенкова и нѣсколько партизанъ, а потомъ—обходное движение всего отряда черезъ зимовникъ Трудинова и ст. Граббевскую кь станицѣ Бурульсковой, измѣнили всю обстановку: войска походномъ на югъ, сблизились сь казачьими станицами и получили возможность приступить кь остатальному выполнению своей основной задачи.

25 марта, совершивъ флажный маршъ отъ зимовника Трудинова черезъ ст. Граббевскую, мой войска заняли станицу Бурульсковую. Боковой авангардъ, прикрывавшій движение, успѣлъ безпрятственно пройти отъ зимовника Степаненкова кь хут. Гашуну и занять позицию фронтномъ на югъ; но вь это время была атакованъ красными вь предьвосходныхъ силахъ и вь горячемъ бою понесъ тяжельчу, незамыслимую по-

терю вь лиць командиры батареи—подъехала Не жиньца, очень скромнаго, но безустовно выдвигавша артиллерийскаго офицера.

По сложившейся обстановкь было крайне интересно вь Бурзульской станиць задержаться дольше, чтобы оказать давление на астраханския села, но полученныя свѣдѣнія о томъ, что по Дону исполнило уже движеніе отрезвившихъ казацкихъ станицъ, заставляли поспѣшить на помощь возставшимъ.

Уже 19 марта Суворовские казаки открыто выступили на борьбу съ крайними бандами. Первый успехъ открыли ихъ вѣрну вь свѣтлое будущее.

Искры полетѣли внизъ и вверхъ по Дону...

Казаки Ромашкинъ привезъ намъ экстренное сообщеніе отъ округа агамана 2-го Донского округа о возстаніи станицъ: Нижне-Черекской, Суворовской, Гесуловской, Потемкинской, Верхне-Курмоярской и Нагавской...

Частное письмо изъ станицы Нижне-Курмоярской сообщало о движеніи вь Нижне-Курмоярской, Бакалановской, Цымлинской, Кумшакской, Романовской, Камышевской и Маринской...

Сознание необходимости основанія отъ совѣтской власти созрѣло вь станицахъ вполне, но было мало оружія, не было ядра, около котораго казаки организовались бы,—была неотложная нужда и вь моральной и вь матеріальной помощи. Медлить было нельзя, нужно было послѣдить на берега Дона, чтобы раздуть первую же искру возстанія вь пламя пожара, и мы двинулись черезъ Еркенинскую станицу къ Андреевской, гдѣ предположено было форсировать р. Саль. Огромный обвалъ рашенскихъ и большихъ, полное отсутствіе переправъ на р. Саль, сильно тормозили движеніе *) и вынуждали нести непривычный рядъ арсенарскихъ боевъ, временами очень упорныхъ и жаркихъ.

Возъ и переправа подходятъ къ концу. Войска, прикраванній переправу, послѣ горячей схватки съ красными 28 марта, уходятъ за Саль. Остаются только рѣшить вопросъ, какое направленіе выбрать для движенія къ Дону и гдѣ рѣзать желѣзную дорогу, находящуюся вь рукахъ противника. Но вь это время получается полевая записка есаула Андриянова отъ станицы Ремонтиной съ просьбою—оказать помощь...

У Ремонтиной стояли казаки дружины станицъ—Бакалановской, Терновской, Филиповской и Романовской. Оружія не хватало на всѣхъ, патроновъ было мало, и казаки стали колебаться, митинговать...

Немедленно было брошено къ Ремонтиной небольшой партизанскій отрядъ съ однимъ орудіемъ и пулеметами, чтобы поддержать духъ казаковъ, не дать имъ развалиться.

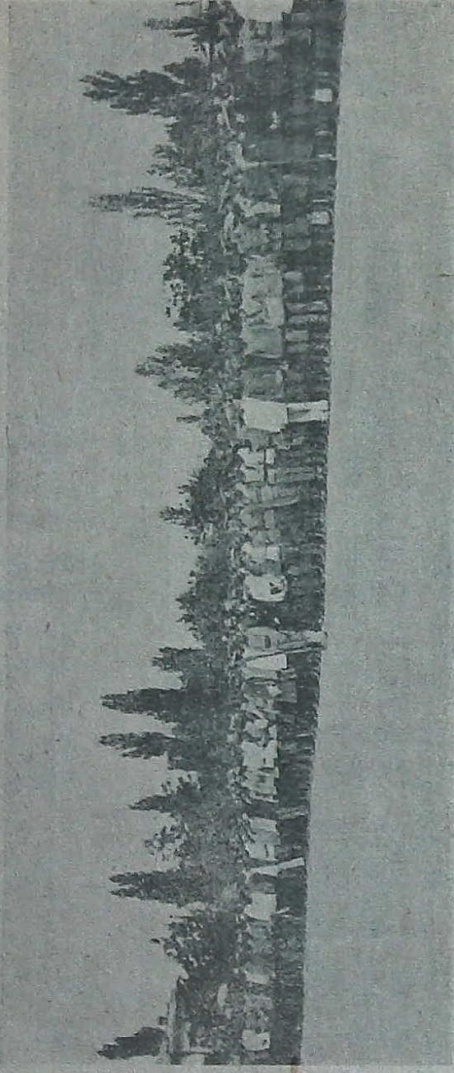
Только что ушелъ этотъ отрядъ, какъ получается новая полевая записка, на этотъ разъ отъ генеральнаго штаба подполковника Бородина, который сосредоточилъ мобилизованныхъ казаковъ станицъ Верхне-Курмоярской, Нагавской и Нижне-Курмоярской къ станицѣ Котельниково и также просить помощи.

Эти обстоятельства рѣшили вопросъ о направленіи нашего движенія къ Дону: если помощь нужна и къ Ремонтиной и къ Котельникову,—желѣзную дорогу необходимо прервать между этими станицами, чтобы имѣть возможность протянуть руку помощи и вь одну и вь другую сторону, а вмѣстѣ и войнѣ скорѣе вь самую тѣсную связь со станицами.

Ночнымъ переходомъ съ 29-го на 30-е мы перешли вь хут. Королевъ, безпрепятственно пройдя желѣзную дорогу на переездъ южнѣ станицы Семичной.

*) Значительную поддержку на переправѣ внесъ отрядъ полков. Чернышкова, который, стремясь къ расширенію, ушелъ съ позиціи у аманов. Выбушева и подъ предлогомъ какой-то специальной атаки, потребовалъ на переправѣ поддержать обвалъ и прерываніе черезъ Саль вѣдъ отряда это отрядъ.

Вь день открытія круга.

Члены круга на парадѣ.

Изъ х. Королева *) были немедленно выдвинуты части вь помощь подполковнику Бородину.

Но обѣ операциі—и на Ремонтино и на Котельниково къ сожалеію сорвались: казаки замитинговали и пошли къ своимъ станицамъ, бросивъ позиціи. Никакія убѣжденія начальниковъ отрядовъ на нихъ не дѣйствовали, не помогло и предупрежденіе походнаго агамана, что такимъ путемъ они приведутъ вь свои станицы красныхъ и навлекутъ на свои дома и семьи весь ужасъ ихъ обсовской злобы и разрушенія.

31 марта наши войска подошли къ Дону у Нижне-Курмоярской станицы. Началась мучительная и тяжелая переправа на паромкахъ. Дуть сильный верховой вѣтеръ, погода была пасмурная, дѣло тормозилось. Только къ полудню 2-го апрѣля удалось закончить переправу.

Вь Нижне-Курмоярской назначена была остановка: предстояла огромная работа по приведенію вь систему начавшагося казацкаго движенія по организациі вооруженной силы для активной борьбы на нѣсколько фронтовъ, по подготовкѣ къ самооборонѣ возставшихъ станицъ и округовъ, наконецъ, по созданию постоянной донской арміи...

Вь этотъ моментъ особенно счастливые и тяжелые дни переживать 2-й Донской округъ: но по почину доблестныхъ Суворовцевъ, совѣтская власть была сброшена уже во многихъ станицахъ, борьба за казачью самостоятельность загоралась яркимъ пламенемъ, рядъ боевъ съ красными закончился полнымъ успѣхомъ съ богатыми трофеями, но—противникъ вь огромныхъ силахъ давилъ и со стороны Паричина и со стороны Морозовской.

А паряду съ этимъ вь округѣ чувствовался недостатокъ вь офицерахъ, была нехватка вь оружіи и вь боевикахъ запаскахъ, ощущалась большая нужда вь организациі плановѣрной борьбы вь главномъ—вь общемъ руководствѣ.

Вьзначивъ общимъ начальникомъ обороны и командующимъ войсками 2-го Донского округа полковника Мамонтова, я немедленно направилъ вмѣстѣ съ нимъ вь станицу Нижне-Черекую партизанскій отрядъ 2-го Донского округа, офицерскій отрядъ войскового старшины Гилорыбова и агаманскій отрядъ полковника Каргальскаго, уйдя вь своихъ запасахъ часть артиллеріи и ружейныхъ патроновъ.

Вмѣстѣ съ этимъ полконнику Мамонтову дана была задача войнѣ вь связь съ Усть-Медвѣдицкимъ и Хоперскимъ округами, пронести тамъ развѣдку и попытаться замѣсть возстаніе и вь этихъ округахъ, свѣдѣнія о которыхъ были вь то время весьма скудными.

Вь то же время, съ цѣлью расширить районъ возстанія вьзвѣ по Дону и организовать оборону станицъ отъ натиска красныхъ, я отдалъ приказъ объ общей мобилизациі и приступилъ къ созданію районовъ обороны, начиная отъ Верхне-Курмоярской включая вь каждый по 4—5 мобилизованныхъ станицъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы каждый районъ могъ составить отрядъ вь 1200—1500 организованныхъ бойцовъ.

Такіе отряды являлись вполне устойчивыми и пригодными какъ для самостоятельныхъ оборонительныхъ и наступатель-

*) Изъ хут. Королева ушла вторая партия есаульцевъ, двинувшаяся къ Карагальскому и Цымлинскому.

ных операций, такъ равно достаточно подвижными для переброски ихъ въ различные районы, на случай совѣстныхъ действий.

Выдавая для организации районов обороны поставщиковъ, обороты и офицерскій кадръ, въ зависимости отъ обстановки, въ некоторыхъ районахъ я оставляю, для большей устойчивости и какъ ядро для формирования партизанскіе отряды. Съ целью дать отрядамъ большую свободу действий, все раннее и большее были отправлены въ Цыплянскую станцію — для размещения и районированія дѣтены ихъ, въ лазаретахъ и больницахъ.

4-го апрѣля мой войска прибыл въ ст. Цыплянскую.

Здѣсь не прошелъ еще духъ совѣтскаго задела, и мѣстный совѣтъ обороны занималъ нѣсколько странную позу, и повидному побавляясь исконной казачьей самообытності и чуть прислушиваясь къ тому, что скажетъ объ этомъ окружной съездъ въ станицѣ Константиновской...

Но въ ст. Константиновской окружной съездъ окончилъ рѣшительно съ совѣтскими порядками, избралъ окружнымъ атаманомъ генерала И. Д. Полова и утвердилъ въ округѣ казначею властью...

А въ это время изъ Новочеркасска въ станцію Константиновскую на эрпепанѣ было доставлено воззваніе „къ Великому Донскому казачьему войску“ войскового старшины Филисова, основаннаго 1-го апрѣля г. Новочеркасскъ отъ красныхъ шаекъ.

Всесобная радость, пережитая въ этотъ моментъ, не поддается описанію...

Это была волшебная сказка, зачарованная, буквально неслухившая казачья голова...

Я приказалъ немедленно опечатать это воззваніе и распространить его по всей области отъ станицы до станицы, отъ хутора къ хутору.

И какъ обидно, болѣзненно постъ этого сжалось казачье сердце при новой, на этотъ разъ друстной, вѣсти, что Филисовъ Новочеркасскъ, столица Дона, снова опиненъ казаками...

Картина кроваваго ужаса угнетала, не давали ни на минуту покоя. Общій голосъ въ моемъ отрядѣ сливался съ общимъ рѣшеніемъ: нужно спѣшить на помощь къ Новочеркаску.

Подтинувъ ближайшія свои части въ ст. Цыплянскую и усиливъ ими, насколько было возможно, полковника Семилитова, потрузивъ этотъ небольшой числомъ, но мощный духомъ отрядъ на парохода и баржи, 6 апрѣля я пошелъ съ шмъ, вышедъ по Дону.

Всѣ суда этой оригинальной флотилии, украшенные русскими національными флагами, выстроившись въ кильватерную колонну, производили чарующее и грозное впечатлѣніе.

Прибрежныя станицы при проходѣ флотилии толпились на берегу Дона, встрѣчая Походнаго Атамана съ хлѣбомъ-солью и я давалъ встрѣчающимъ подробныя разъясненія о содѣянной обещановѣ и указанія по мобилизации.

(Окончаніе слѣдуетъ).

II. Половъ.

Отъ редакціи.

Готовится къ печати номеръ „Донской Волны“, посвященный освобожденію Кубани и кубанскому комсомору державно.

Будутъ напечатаны, среди прочаго матеріала, статьи писателя Е. Н. Чирикова «Магрось Басовъ», председателя кубанскаго правительсва Л. Д. Выча «Большевизмъ на Кубани», кн. В. Гаджемукова «Черкесы и ботшеники» и т. д.

Отъ издательства. Очередной номеръ «Донской Волны» вышелъ съ закладнымъ на недѣлю въдѣствие цѣлаго ряда техническихъ затрудненій, связанныхъ съ незначительнымъ вздорожаніемъ бумаги необходимого для журнала формата. Въ настоящее время техническія затрудненія устранены и журналъ будетъ выходить исправно.

ВЪ Н О М Е Р Ъ:

Степной батюшка—разсказъ **Романа Кумова.**

Войсковой кругъ и Россія—**В. Крюкова.**

Наказъ—**Романа Кумова.**

Большой войсковой кругъ—**Б. Уланова.**

Василій Харламовъ—**В. Курганова.**

Охранка о В. А. Харламовѣ.

Пятый—седьмой кругъ—**Е. М. Кисневича.**

Рисунки **А. Н. Воронцаго, В. Желдакова, Леонида Кудина, Константина Ротова.**

Рисунки
источника.

«Донской Волны» являются ея собственностью и перепечатка ихъ допускается только съ указаніемъ

Редакторъ

Викторъ Стѣпной

(В. А. Краскушинъ).

О чемъ шумите вы, казачія знамена?..

О чемъ шумите вы, казачія знамена?

О чемъ поется въ пѣсняхъ прежнихъ лучшихъ дней?

О ратныхъ подвигахъ воинственнаго Дона,
Про славу витязей, донскихъ богатырей.

Былые подвиги.. походы.. и побѣды..

Смирядись гордые и сильные враги,

И, помня праѣдвовъ, старинные завѣты,

На подвигъ ратный шли донскіе казаки.

Донскіе рыцари!.. Сыны родного Дона!

Ужель теперь въ годину тяжкихъ бѣдъ

Постыдно дрогнемъ мы и рухнемъ оборона

И не исполнимъ мы священный свой обѣтъ?!

Нѣтъ, не бывать тому! Вы, вольныя станицы,

Вы, хутора, вы, села,—бей въ набаты!

Мы грудью отстоимъ казачія границы,

Скорѣй къ оружію! Впередъ и старъ и младъ!..

Какъ кротко смотреть небо голубое!

Вы слышите протяжный чей-то стонъ

И въ шелесть травы и въ рокогъ приборя?

То стонетъ нашъ отецъ, съдой родимый Донъ

Впередъ за тихій Донъ, за родину святую,

Намъ сердце воскреситъ забытыя слова,

Впередъ, станичники, за волю золотую,

За старья, исконныя права!

Шумять казачія священные знамена,

И сила грозная на страхъ врагамъ растетъ

Донскіе рыцари! Сыны родного Дона!

Великій часъ настать: за тихій Донъ впередъ!..

Валентинъ Петровъ.

Генераль Алексѣевъ—**Е. К.**

А. М. Калединъ въ торьмъ—**Вл. Казанскаго.**

«Тяжелое засѣданіе»—**И. П.**

* * * * *—стихъ. **Сергѣя Пинуса.**

Изъ исторіи освобожденія Дона (продолженіе)—**П. Полова.**

О чемъ шумите вы, казачія знамена?..—стихъ. **Валентина Петрова.**

Прием подписки и объявлений на журнал „ДОНСКАЯ ВОЛНА“

г. Ростов-Дно; главная контора Николаевский переулок, 78, телефон 20-37.
 г. Екатеринбург, контора газеты „Россия“, Бургаковская, 64.
 г. Харьков, контора объявлений Ш. М. Барга, Павловская пл. 10-шадь, д. О-ва „Россия“, телефон 36-27.

Издательство Кооперативного Т-ва „ЕДИНЕНИЕ“

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

- 1) Практическая грамматика — первоначальная часть ч. I для городских и сельских школ, учителей. Составили: В. Ананин, В. Гусакон, Г. Макаров, И. Селзнев, И. Чернышев, Д. Чуковин. Ц. 1 р. 50 к.
- 2) Также — краткий курс. Этим. и Ситт. ч. III. Ц. 2 р. 50 к.
- 3) Также — для младших и средних учебных заведений, городских двухклассных и других пионерских училищ. Ц. 3 р. 75 к.
- 4) Книга для чтения старшего пригот. И. Составлена в-лей преподават. — изд. рус. яз. сред. учеб. зав. Ростова и Нахичевани. Ц. 9 р. 50 к.
- 5) Учебник русской истории — проф. М. Боголюбовский. Ц. 2 р. 75 к.
- 6) М. М. Добрянский прис. конгр. „Наиб. пользоваться новым квартир-ным законом Донского Правительств“. Подроб. послат. полож. и объяс. изв. Ц. изв. 1918 г., сь прилож. полного текста закона прикряв листки, шест. листы и таблица сроков. Ц. 1 р. 25 к.

Закачиваются печатан. и выйд. вь конце сентября и вь начале октября.
 1) Малиновский Г. А. проф. — Курсы исст. рус. права 31 печ. лист. и 15 р.
 2) Новая азбука Л. Н. Толстого.
 3) Практическая грамматика, составл. В. Амвильямом и друг., краткий курс Этим. и Ситтас. ч. II.
 4) Сборник арифметическ. задач для школ, училищ Г. Я. Юренца.
 5) Сборник арифметическ. задач. Малинина и Буретина.
 6) История Древнего мира — М. О. Ковалевского
 7) Учебник новой истории — Е. Успенской для 5 и 6 кл. муж. реал. уч.
 8) Учебник русской истории — Острогорский.
Имеется на складе:
 1) Малиновский Г. А. проф. — Сборник памяток, рус. права. Ц. 4 р
 2) Саваа Чукалова — Сумерки (тисни сердца).
 3) Сборник программ русск. полит. парт. Ц. 30 к.
 4) Антонов М., Ленин и Плеханов — Ц. 40 к.
 5) Епанголо социал-демократ — Ц. 30 к.

Сь заказами обращаться на склад Т-ва (уголь Большой Садов и Троицкого пер., магазин „ЕДИНЕНИЕ“).

Художественное ателье струнных инструментов. А. А. Зайковский.

Работать по Дому Калашев пер. 46. Специализ. ателье худ. гитар, арф, фидел, и других инструментов. Большой набор старинных итальянских инструментов, инструментов, и обаяние инструментов. Фирма удостоена медалей и наград.

ЗАКУПОРИВАЮ

на зиму окна и двери Московск. и Варшавск. способами, закупорка герметическая на пальцах, и на искусств. замазке. Способ, этот, предохраняет окна от порчи, устраняет пропуск воздуха, а потому стекла не потеть и не мутнуть. Окна и двери можно открывать и закрывать. Обилно двери войлоком и клеенкой. Цена доступная. Окна можно пак удеб. зап. и пак. реза удеб. обшарив. фибриче, запод. и пр. Маст. работы, 63, кв. 12.

Тел. № 17-46. Н. И. МИРОНОВИЧЬ.

ОНКОЛО

НА ДНЯХЪ ВЫИДЕТЬ ЕЖЕНЕДЪЛЬНИКЪ САТИРЫ И ЮМУРА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. ДАКТИЛЯ

Журнал „Личаръ“ рождается въ результатъ горячихъ желаний послужить отечеству Разсчетъ строго арифметический: мануфактуры на Украинѣ нѣтъ. Обувн нѣтъ. Нѣтъ медикаментовъ, галантерей, холба, бумага, угля и керосина. Пусты же будетъ хоть сатирический журналъ! Сметити скажутъ: Эвона! А ежели и его вывезутъ за границу? Не обезлюютъся. Не вывезутъ. Не обезлюютъся: какъ и они, вондрыхъ этакъ оль не имѣтъ. Богу съ ней, съ самостій-

ностью! Себѣ дороже. Что касается сотрудниковъ, то, не останавливаясь ни передъ какими заплатами, „Личаръ“ привлекаетъ къ участию исключительно талантливыхъ французовъ, воровскія, английскія, рыбинскія. Отъ экватора до экватора. По амплуа: Нанбольтъ знаменитые изъ привлеченныхъ рыбинцевъ: Николай Аглицевъ, Евгений Венский, И. Василевскій (Не Бува), Валентинъ Горанскій, Ефимъ Зозуля, Юрий Зубовскій, Василий Князевъ, Владимиръ Надашевъ, Влад. Коровитинъ, Николай Литвинъ, Борисъ Мирскій, Сергій Михайловъ, Левъ Пикунинъ, Левъ Пельковский, Михаилъ Пустыничъ, В. Черный, Салаи Эзенгардъ и другіе. Художники: П. Акимовъ, Вобрицкій, А. Воронешій, Д. Егоровъ (Димъ), Гарри Клинтъ, Л. Кудачъ, С. Менель, В. Петрушанскій, Е. Ратчиновъ, К. Роговъ, Г. Цапокъ.

Цѣна отдѣльнаго М-ра 1 руб. 50 коп. РЕДАКЦІЯ: Харьковъ, Губернаторская 5. Тел. 25-44. Контора: Буковск. 11. Приемъ подписки и объявлений въ конторѣ журнала отъ 10 до 5 час.

Въ Русскіе добровольческіе отряды

на Саратовскомъ направлении, примыкающаго къ частямъ офицерова и добровольцевъ — вольонтерова въ г. Ростовѣ-Дно, въ управ. коменданта этой арміи: Большая Садовая, Большая Московская гостиц. № 72.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ А. А. КОВАЛЕВА,

Б.-Садовая, 89, телефонъ 37-49.
 Для удобства пр. посетителей увеличили шитье мастеровъ. Открыты заль для выноса. Имяются въ продажѣ: театральные шарфы, шальвары, шарфы, шокъ и др. косметическіе, парфюмерные товары

ВАРШАВСКАЯ МАСТЕРСКАЯ МУЖСКОГО И ДАМСКАГО ПЛАТЬЯ

Леопольда Лозовскаго,

Малый просп., д. № 50.

Специальность: Жен. и фр. ш.

„Дело пилющихъ машинъ“ Т-ство МЕХАНИКОВЪ.

Ремонтъ: пилющихъ машинъ, контрольныхъ массъ, арифмометровъ и пр. контролск. и техническ. аппаратовъ. Принадлежности: чеповая и контрольная ленты. Сбывная 153, уголь Николаевского переул.

ЕРАСОТА

какъ сталь красивой. Все для ходи лица: кресла, ручки, стуль, флеры-дерозы, Манкирарь, окраска волосъ. Б.-Садовая, 112, нижай этажъ.

ВАТИНЪ

продается въ магазинъ Л. БЕЙЛИНЪ, уголь. Троицкого пер. и Кавказской улицы.

